Смоленский нокдаун

Автор:
Александр Маркова

Смоленский нокдаун

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Вторая книга из серии "Врата войны". Укрепившись на плацдарме и установив отношения с СССР 1941 года экспедиционная группа войск Российской Федерации готовится к финальной части Смоленского сражения, которое окончательно уничтожит наступательный потенциал вермахта и развернет войну в обратном направлении, туда – откуда она и пришла.

В оформлении обложки использована фотоарт автора dml-fotoart «Detonation» с сайта: https://arttalk.ru

Часть 5. Момент Истины

Вступление

В результате событий, описанных в предыдущем, первом томе, в сцепленный период 19-24 августа 1941 года и 20-25 апреля 2018 года, в мирах, связанных межмировым порталом, сложилась следующая военно-политическая ситуация.

В 1941 году 3-я танковая дивизия вермахта с разбега наткнулась на свежеобразовавшийся портал и с ходу ввязалась в войну с существующей в 2018 году Российской Федерацией. Германская группировка вторжения была разгромлена, после чего Вооруженные силы Российской Федерации приступили к боевым действиям на территории 1941 года. В результате потерпела поражение повернувшая на юг вторая танковая группа генерала Гудериана. Наступающий в центре позиции 24-й моторизованный корпус в боях с передовой группировкой ВС РФ был разгромлен и почти полностью уничтожен. Расположенные на левом фланге 46-й и 47-й моторизованные корпуса вермахта увязли в боях с занявшими выгодные позиции дивизиями РККА и механизированными фланговыми заслонами российских войск, которые, смешавшись с советскими частями, придали их обороне достаточную устойчивость.

После кадровых перестановок в высших кругах советского генералитета маршал Тимошенко уехал командовать Туркестанским военным округом, а генерал армии Жуков получил должность командующего Брянским фронтом, в полосе которого действовала группировка ВС РФ.

Итак на утро 24 августа ничего еще не было предрешено – ни на юге, ни на севере. План окружения советского Юго-западного фронта при выпавшей второй танковой группе терял свой смысл, тем более что большая часть подвижных соединений первой танковой группы, а также пехотных резервов группы армий «Юг», снимались с фронта, грузились в эшелоны и направлялись в район Могилев-Смоленск для противостояния внезапно возникшей угрозе со стороны пришельцев из будущего. То же самое претерпевала группа армий «Север» и подчиненная ей четвертая танковая группа, только что прорвавшая лужский рубеж и замкнувшая кольцо окружения пока что вокруг Таллина. Теперь на планах прорыва к Ленинграду можно было ставить крест. Оставшихся в составе группы армий «Север» войск едва хватало для отражения неумелых, но яростных контрударов Красной армии, стремящихся восстановить положение.

Один умный человек заметил, что при резких неблагоприятных изменениях обстановки германское командование в силу своего тщательно культивируемого педантизма склонно впадать в состояние, близкое к панике. Вот и сейчас панику германского генералитета усиливала беспомощность германской же разведки, которая была не в состоянии получить никаких разведданных из района, в котором действовали пришельцы из будущего. Радиоразведка беспомощно разводила руками, не в силах поймать хоть одну радиопередачу пришельцев,

люфтваффе теряла самолет за самолетом, но ни один пока еще не вернулся с внятным донесением и фотопленками, а разведгруппы спецполка «Бранденбург-800» падали как камни в мутную болотную жижу и исчезали бесследно. Никто в германском генералитете еще не знал, какие силы пришельцы ввели через портал в 1941 год – дивизию, корпус, армию или группировку, по своей мощи превосходящую все мыслимое и немыслимое. Правда, были для немецкого командования и довольно утешительные сведения. Генерал Модель, втравивший Третий Рейх в прямой конфликт с Российской федерацией, докладывал, что портал крайне неодобрительно относится к переброскам крупных масс людей и техники, увеличивая при этом сопротивление до невыносимых величин. Вот и германское командование надеялось, что группировка российских войск будет небольшой по численности при крайне затрудненном снабжении боеприпасами.

Но некоторые наиболее осведомленные и наиболее трезвомыслящие представители этого генералитета еще до появления пришельцев из будущего считали, что раз Советскую Россию не удалось поставить на колени в течение первых восьми недель войны, предусмотренных планом «Барбаросса», то войну против СССР можно считать проигранной. По крайней мере, считали генералы, в случае заключения «похабного мира» ее можно будет считать не выигранной до конца.

В первую мировую войну Германия за счет начальных успехов тоже смогла оккупировать почти всю Бельгию и значительную часть Северной Франции, все четыре года вела боевые действия на чужой территории, и в итоге ту войну все-таки проиграла. Позиционная война – или война на истощение – для этих осведомленных и трезвомыслящих считалась синонимом понятия «поражение». А тут еще и пришельцы, вооруженные до зубов и, главное, относящиеся к «дойче зольдатен, ундер официрен» как к каким-нибудь унтерменшам. Германский генералитет и та часть высшего руководства Рейха, чей разум не был зашорен людоедскими национал-социалистическими догмами, находились только в самом начале поисков так называемого «приемлемого выхода», действуя пока каждый сам по себе. И эти поиски должны были привести этих людей либо на эшафот в тюрьме «Моабит», либо в правительство новой, послевоенной Германии.

В 2018 году на утро 25 апреля сложилась следующая обстановка. Вот уже несколько дней Российская Федерация ведет ограниченную по масштабам и средствам войну с фашистской Германией в 1941 году. Что-то вроде сирийской операции наоборот. В Сирии основная роль в нанесении поражения

международному террористическому интернационалу принадлежит воздушно-космическим силам, а сухопутные войска выполняют вспомогательные функции. В войне с германским фашизмом в 1941 году основная тяжесть сражений ложится на танкистов, мотострелков, артиллеристов, зенитчиков уже практически полностью переброшенной в 1941-й год 1-й гвардейской танковой армии и включенной в ее состав 144-й мотострелковой дивизии. При этом ВКС участвуют в процессе поскольку постольку – из-за того, что пока не решен вопрос о переброске на ту сторону современных самолетов. Для этого возле портала необходимо строить две бетонные ВПП 1-го класса протяженностью не меньше трех с половиной километров и соединять их проходящей через портал рулежной дорожкой. Фактически масштаб предполагаемого строительства требует отселения населенных пунктов сельского поселения Красновичи, закрытия автодороги Унеча-Сураж для проезда гражданского автотранспорта и строительства с нуля в окрестностях портала полноценной военной базы. Руководство страны по этому поводу пока в сомнениях – а может быть, и так обойдется, без всяких аэродромов?

У руководства и без этого двойного аэродрома голова пухнет. Во-первых – Президента, министра обороны. Начальника Генерального штаба и прочее командование ВС РФ особо беспокоила затеянная американцами дополнительная возня с украинскими националистами, чтобы те, презрев инстинкт самосохранения, взяли бы и объявили России полноценную войну, а чтобы та опять не отвертелась, вторглись бы всей своей кодлой на Российскую территорию. И в Кремле и на Фрунзенской набережной понимали, что укровояки, если их сразу не отоварить по полной программе и не загнать обратно за линию границы, дел на российской территории могут натворить не меньше, чем гитлеровцы – проверено на Донбассе; и также, как на Донбассе, их будет поддерживать все прогрессивное человечество – Трамп, Мэй, Меркель и Макрон с кучей продажных западных журналюг на подпевке и подтанцовке. Именно поэтому, как и в том страшном для нас сорок первом году, воинские части из внутренних округов пополнялись добровольцами и отчасти мобилизованными, после чего грузились в эшелоны и мчались на запад по зеленой улице. Пока они не прибудут и не займут позиции вдоль границы, главную роль в сдерживании агрессии будут играть части прикрытия, группировка ВКС и «Калибры», летящие со стороны Черного, Каспийского, Баренцева, Белого и отчасти Балтийского морей.

Именно поэтому получившая от хозяина приказ «убиться об стену» Украина (или территория «404») напоминала туалет типа сортир, в который хулиганы ненароком уронили пачку дрожжей. Одни (большие начальники) паковали

чемоданы для отъезда на ПМЖ на Запад. Собирая все ценное, хрупкое, бьющееся, они требовали, чтобы никто ничего не начинал, пока они не удалятся на безопасное расстояние. Коррупция на Украине это основа политики, поэтому как не пытались националисты в Раде протащить объявление войны «стране-агрессору», у них все время не хватало голосов.

Другие украинские деятели ударились в пир во время чумы, празднуя предстоящую войну с помощь факельных шествий и народных гуляний с дудками, барабанами, салом и горилкой, тем более что весенняя погода позволяла. Уже был позабыт недавний холод, когда ледяная рука генерала Мороза схватила Нэньку за горло, а что будет в следующем году – их волновало мало. Да и будет ли он, этот следующий год – последние времена настали, один раз живем. Вон, говорят, на москалей опять Гитлер напал, то ли еще будет.

Третьи запасали соль, сахар, масло, керосин, спички, и рыли в лесах схроны, надеясь в них пересидеть все самое страшное, включая возможную ядерную войну между Россией и НАТО. Но и их надежды тоже были тщетны, потому что запасы рано или поздно закончатся и желающим отсидеться придется вылезти на свет божий, под прицел тех, кто в настоящий момент представляет на этой земле власть. Четвертые просто ждали в тупом безразличии, ничего не предпринимая. Им было все равно, чья власть наступит в их селе, районе, области, и они же должны были стать первыми жертвами заварушки, ибо тех, кто сидит смирно, режут обычно прежде всех. Пятые готовились бороться с «оккупантами», шестые – встречать солдат-освободителей, и для этого доставали приныканные с лучших времен еще советские дембельские парадки.

Что касается военной составляющей всего этого балагана, то неизмеримо сложно оказалось развернуть фронтом на восток основную ударную группировку ВСУ, до последнего момента нацеленную рылом на Донбасс. Да и снимать с донбасского направления хоть сколь-нибудь значимые силы украинским генералам было страшно. Потому что даже им было понятно, что с момента нападения на Россию, лесом пойдут Минские соглашения, ОБСЕ, ООН, Нормандская четверка и прочие ограничители активности Новороссии, и украинская армия окажется под двойным ударом. Но в таком случае, если не снимать войска с Донбасса, то чем атаковать Россию? Одним Ярошем, который все обещает дойти до Москвы? Вот именно поэтому давно анонсированная война все не начиналась и не начиналась.

* * *

24 августа 1941 года, 10:55. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Пронзительный и требовательный звонок телефона ВЧ-связи разорвал тишину, царящую в сталинском кабинете. Не спеша Вождь снял трубку, сказал: «Алло» – и услышал в ответ: «Доброе утро, товарищ Сталин. У аппарата генерал армии Жуков.».

– Доброе утро, товарищ Жюков, – ответил Сталин и спросил: – Ви уже закончили инспекцию войск потомков и Брянского фронта?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Жуков, – закончил.

Верховный немного помолчал, потом произнес:

– Ну и что вы можете сказать об их боеспособности? Говорите, товарищ Жуков, не тяните, ведь вы же пришли уже к определенному выводу?

– Что касается боеспособности потомков, – сказал генерал армии, – то она находится на очень высоком уровне, разбитая и откатившаяся назад вторая танковая группа немцев тому свидетель. Их основная тактическая единица – батальонная тактическая группа, состоящая из тринадцати тяжелых и сорока легких танков при поддержке самоходной зенитной и минометной батарей. Основной калибр их самоходных артиллерийских орудий – сто пятьдесят два миллиметра при дальности стрельбы в двадцать пять километров. Таких самоходных орудий у них по восемнадцать в артдивизионах мотострелковых или танковых полков и пятьдесят четыре в дивизионном артполку…

– Мы вас поняли, товарищ Жуков, – сказал Сталин, – что огневая мощь и маневренность потомков находятся на высоте. Вы нам скажите другое. Нас интересует, могут ли бойцы нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии эффективно взаимодействовать с подразделениями потомков или нет?

– Да, товарищ Сталин, – ответил генерал Жуков, – могут. И даже очень эффективно. В некоторых местах остатки наших разгромленных под Кричевом и

Рославлем частей выходили из окружения на подразделения потомков и стихийно присоединялись к ним лишь бы остаться на передовой и вести бой с врагом. В связи с этим считаю целесообразным создать на основе 1-й гвардейской танковой армии потомков смешанную группировку войск, придав ей стрелковые дивизии нашей 13-й армии, временно оказавшейся вне зоны боевых действий.

– Товарищ Жюков, – после некоторой паузы сказал Сталин, – пожалуйста, подробно обоснуйте свое предложение. Нам, например, целесообразность такого шага совсем не очевидна.

– Во-первых, – с нажимом произнес Жуков, – после сражения в районе Кричева, в ходе которого 13-я армия была разгромлена противником и в беспорядке отступила на юго-восток, в составе армии имеется только одна полнокомплектная дивизия, полученная из недавнего пополнения. Остальные дивизии утратили в боях весь транспорт, тылы и все тяжелое вооружение, до станковых пулеметов включительно, от их старого личного состава, имеющего боевой опыт, практически ничего не осталось. В настоящий момент эти пять стрелковых дивизий – 6-я, 155-я, 121-я, 132-я и 148-я – пополняются личным составом прибывающих на фронт маршевых батальонов, вооруженных только винтовками «Мосина», в силу чего даже после наполнения личным составом до полной численности их можно будет считать малобоеспособными. Поступившая на фронт сформированная в июле-августе этого года 307-я стрелковая дивизия вооружениями по штату укомплектована полностью, но ее личный состав не прошел полного курса обучения и тем более не имеет боевого опыта.

Во-вторых – командующий 13-й армией генерал-майор Голубев так же пригоден к исполнению своей должности, как дятел для передачи телеграфных сообщений. Уже ко времени сражения в районе Кричев-Милославичи входящие в состав 13-й армии полки сточились до батальонов, дивизии – до численности полков, но задачи им все равно нарезались как полнокровным частям и соединениям, что и привело к их полному разгрому.

В-третьих – радиоразведка у потоков поставлена на достойную высоту, и они свободно читают те радиограммы, которыми фон Бок обменивается со своими корпусами и армиями, с командующим группы армий «Юг» фон Рундштеттом, командующим группы армий «Север» фон Леебом и с Берлином. Так вот – из всего этого радиообмена следует, что в настоящий момент высшее немецкое командование находятся в состоянии паники, и больше всех паникует сам

Гитлер. Как говорят сами потомки, пылающие письмена на темной стене никому даром не проходят.

– Хм, – сказал Сталин в трубку. – Мэне, текел, фарес?

– Вот именно, – подтвердил Жуков, – появление на фронте потомков со всеми их танками, артиллерией и ударными винтокрылыми аппаратами, так сильно напоминающими одну из разновидностей оружия судного дня из Библии, означает, что тот, кто решает судьбы нашего мира, решил покончить с Гитлером и его присными быстро и без особых жертв с нашей стороны.

«Да уж, – подумал Сталин, – ты, товарищ Жуков, не знаешь, а я уже знаю. Если потомкам будет надо, они притащат сюда такой ужас, что для всех их и наших врагов и в самом деле наступит настоящий Апокалипсис.»

Тем временем Жуков продолжил:

– Из-за этой охватившей германское командование паники в настоящий момент свертываются все активные операции на других фронтах, и все высвободившиеся резервы перебрасываются под Смоленск и нацеливаются против группировки потомков. С целью задавить армию потомков подавляющим численным преимуществом немецкое командование собирается собрать в один кулак в течение двух недель до двух с половиной тысяч танков (то есть все, что у них еще осталось) и два миллиона солдат и офицеров. Для отражения этого удара войска потомков уже переходят к обороне, просят усилить их стрелковыми частями и готовятся встретить врага на заранее подготовленных рубежах.

– А что, – ехидно спросил Сталин, – они уже отказались от плана получить себе стрелковое пополнение, освобождая наших пленных из немецких лагерей?

– Операция по освобождению Рославльского лагеря военнопленных прошла вполне успешно, – возразил Жуков, – десять тысяч наших бойцов снова встали в строй и сейчас готовятся к новой схватке с врагом. Но в масштабах грядущего сражения это совершенно недостаточная величина, а другие подобные лагеря для военнопленных расположены дальше от линии фронта и не имеют таких удобных путей отхода. К тому же подготовка каждой такой операции требует времени, которого у нас скоро уже не будет. Немцы умеют быстро

перебрасывать свои резервы.

Гораздо больше пользы принес тот погром, который подразделения их ОСНАЗа устроили на железнодорожной станции и в штабах четвертой армии и девятого армейского корпуса. Имел честь беседовать с фельдмаршалом фон Клюге, которого вытащили из постели в одной ночной рубашке, скрутили и, надев на голову мешок, отправили на винтокрылом аппарате в штаб потомков. Он до сих пор не понимает, как это произошло. В случае необходимости и наличия удобного момента потомки собираются повторить подобные операции с другими штабами противника. Что, конечно же, не отменяет задачи укрепления соединения потомков нашими стрелковыми частями, потому что одним ОСНАЗом войны не выигрываются.

Возвращаясь к этой теме, должен отметить, что при создании смешанной группировки войск мы получим формирование, практически не имеющее слабых мест и сочетающее подвижность, огневую и бронетанковую мощь соединения потомков с наполненностью живой силой, свойственную нашей Красной армии. Считаю, что для оборонительного этапа нового сражения за Смоленск создание такого совместного соединения окажется критически важным.

– Мы вас поняли, товарищ Жюков, – через некоторое время сказал Верховный, – и думаем, что вы совершенно правы. Пусть 13-я армия пройдет полное переформирование, получив свежие дивизии, прибывшие из глубины страны, а те, что имеются в ее составе в настоящее время, мы включим в состав объединенной группы войск. На этом все, товарищ Жуков, до свиданья…

* * *

25 апреля 2018 года 09:45. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево»

Президент глянул на севшего напротив него восьмидесятитрехлетнего академика и кивнул своим мыслям. Пожалуй, только этот человек может попытаться проникнуть своим разумом в только что приоткрывшиеся человечеству тайны Мироздания. Был еще, правда Стивен Хокинг, но он уже того – беседует со Святым Петром; а больше из таких мировых светил, пожалуй, никого и нет. Но сейчас тайны Мироздания как бы побоку, ждали они один Бог знает сколько тысяч лет, подождут и еще.

В настоящий момент важнее вопросы практические, главные из которых определение потенциального срока существования Портала и увеличение его пропускной способности. Бросать ради этого увеличения еще одну бомбу как-то не очень хочется. Это все равно, что «ремонтировать» телевизор ударами кулака по верхней крышке – так делали когда-то раньше во времена его молодости. Да, на какое-то время изображение могло улучшиться, но однажды от такой «кулакотерапии» аппарат мог сломаться окончательно и безвозвратно. Поэтому в таких случаях обычно звали специалиста по ремонту телевизоров. Ну, или хотя бы того, кто более или менее подходит по профилю. Команда академика Велихова работала у портала уже четверо суток с лишним, протоколируя все возможные для наблюдения проявления активности Порта, и главе государства уже было известно, что у российских ученых уже есть основания для первых научных выводов и даже первых практических рекомендаций.

Еще раз внимательно посмотрев на своего визави, Президент произнес:

– Евгений Павлович, когда вы просили меня о встрече, вы сказали, что у вас есть для меня очень важное сообщение. Это действительно так?

– Да, Владимир Владимирович, – ответил академик, – когда вы поручали мне заняться темой портала, то поставили перед моей командой несколько важных вопросов, на которые было необходимо получить первоочередные ответы. Начнем с вашего вопроса о стабильности этого образования. Должен сказать, что наши наблюдения никоим образом не выявили никаких признаков его деградации. Из-за отсутствия предшествующих случаев такого рода мы вообще не знаем, что можно считать за такие признаки, но предполагаем, что это может быть снижение пропускной способности этого образования и его переход в первоначальную форму аморфного облака. Так вот, в настоящий момент эта межмировая перемычка не демонстрирует никаких подобных признаков, ее пропускная способность с течением времени незначительно растет, а сопротивление транспортировке материальных объектов снижается.

– Погодите, Евгений Павлович, – произнес президент, – поясните мне, что значат пропускная способность и сопротивление портала, и каким образом вы их определяете?

– Пропускная способность, – сказал академик, – это свойство этого образования пропускать через себя материальные объекты из одного мира в другой, и

теоретически должна измеряется в тоннах в час. Пока что мы еще не можем установить точную величину этого показателя, ибо для этого всю переводимую на ту сторону технику стоило бы прогонять через специальные весы, установка которых требует времени и определенных материальных затрат. Пока что эта величина определяется эмпирическим путем и достаточно приблизительно. Например, нам известно, что если в течение одного часа перегонять на ту сторону колонну из тридцати танков, то заметного невооруженным глазом увеличения сопротивления не наступает, а если попробовать перегнать сорок, то такой рост сопротивления уже заметен. Перемножаем количество машин на средний вес каждой и делаем вывод, что пропускная способность этого образования от тысячи двухсот до полутора тысяч тонн в час, причем неважно, в каком направлении идет движение – от нас к ним или наоборот. Люди, которые управляют транспортными потоками, знают об этом показателе и стараются его не превышать, потому что в противном случае у образования начинает резко расти сопротивление, вплоть до того что передвижение между мирами на некоторое время становится невозможным. Сами мы еще ни разу не доводили это образование до полного истощения; пока единственный такой случай известен нам из показаний выживших на нашей стороне немецких военнопленных.

– Очень хорошо, Евгений Павлович, – кивнул президент, сделав пометку в своем блокноте, – даже эмпирическая величина – это уже что-то, на что можно опираться. Но вы сказали, что эта способность незначительно растет притом, что при таких методах изменения показателя выявить просто невозможно…

– Да, это так, – вздохнул академик Велихов, – такие методы являются слишком грубыми для настоящих исследований. Таким образом, мы переходим к показателю сопротивления этого образования, которое определяется как работа, необходимая для перемещения между мирами одной тонны груза. Для фиксации этого показателя у нас имеется эталонный автомобиль с электронными датчиками, сопротивление движению которого через портал мы можем достаточно точно измерить. Так вот, именно эти измерения показали, что сопротивление образования постоянно снижается. За четверо суток набежало уже больше процента; и это пусть и незначительная, но все же заметная величина, которая позволяет сделать вывод, что чем более интенсивно используется это образование, тем ниже его сопротивление и выше пропускная способность. Наши измерения смогли зафиксировать сокращение пауз, необходимых образованию для того, чтобы сопротивление, выросшее в результате прохождения крупных транспортных колонн, смогло вернуться к номинальным показателям. Величина этого изменения тоже не очень велика, но

она вполне заметна и говорит о том, что в процессе эксплуатации это образование только увеличивает свои возможности по транспортировке материальных объектов из одного мира в другой.

Сказав это, академик ненадолго замолчал, как бы обдумывая свои следующие слова.

– Один мой сотрудник, – наконец сказал он, – высказал гипотезу, что не вся энергия, изымаемая у нас при перемещении материальных объектов, тратится на само это перемещение. Отнюдь нет. Какую-то ее часть – может быть, даже и большую – это образование присваивает себе, чтобы увеличить свою энергетическую насыщенность. Чем больше в нем содержится энергии, тем ниже сопротивление и выше пропускная способность. Это образование вообще очень жадное на свободную энергию и моментально поглощает любые виды электромагнитного излучения, а также пролетающие через него альфа– и бета-частицы, а также любые свободные нейтроны. По возможности поглощения радиации внутреннее пространство этого образования превосходит любые изолирующие материалы, причем с увеличением расстояния поглощающая способность растет нелинейно. Во всем остальном оно к радиоактивным веществам вполне равнодушно и не вызывает их принудительного распада, как предполагали авторы некоторых гипотез. Никакого замещения урана и плутония свинцом не происходит – по крайней мере, на уровне микрообразцов.

– Так значит, Евгений Павлович, – быстро сказал президент, – в тот мир вполне реально доставить образцы ядерного оружия, и они останутся вполне работоспособными и пригодными к употреблению?

– Этого мы пока не знаем, – пожал плечами академик Велихов, – но все предпосылки именно для такого исхода событий у нас имеются. Существует только один способ проверить ваше утверждение. Надо сначала доставить в тот мир ядерную боеголовку вместе с носителем, а потом провести реальное ядерное испытание. Без этого готовность изделий к применению никак не установить. Кстати, работоспособность специальных изделий может быть связана не только с сохранностью радиоактивной расщепляющейся начинки – хотя это, конечно, один из важнейших факторов…

– Если вы имеете в виду исправность электронных компонентов, – сказал президент, – то мы уже отправили на ту сторону множество образцов сложнейшей электронной техники, и ни один из них не дал сбоя. Так что думаю,

что с этой стороны все будет нормально. Теперь, Евгений Павлович, скажите, пожалуйста, мы сможем каким-нибудь образом помочь этому порталу быстрее увеличивать свою энергетическую насыщенность, исключая, разумеется, варианты со взрывами в нем обычных или ядерных бомб?

– В общих чертах, думаю, что сможем, – кивнул академик, – если это образование так любит энергию, то можем ее ему дать, только надо подумать, какую энергию и каким образом. Дело в том, что структура этого образования очень плохо усваивает тепловую конвективную энергию и стремится сбросить ее в окружающую среду, и, напротив, лучше всего усваивается коротковолновое электромагнитное излучении вроде жестких гамма-лучей. У нас уже есть несколько предварительных проектов на этот счет, и теперь надо все тщательно обдумать и решить, какой из этих проектов наиболее рентабельный и быстрореализуемый, а то производить прокладку к этому образованию специально выделенной линии ЛЭП-500 от Смоленской АЭС мне все-таки, кажется, будет и дорого и долго.

– Не исключено, – сухо сказал Путин, – что в итоге самый дорогой и долгий проект окажется и самым рентабельным, ведь поставляемая по нему электроэнергия от АЭС будет стоить копейки, с то время как остальные энергоносители, которые мы можем использовать в мобильных установках, обойдутся значительно дороже. Впрочем, спасибо вам, Евгений Павлович, за хорошую работу и содержательную беседу. Желаю вам дальнейших успехов в изучении этого, гм, образования, потому что если природа приоткрыла нам одну из своих тайн, то мы должны не мешкая воспользоваться этой возможностью.

* * *

25 августа 1941 года, 05:45. Брянский фронт, Новозыбков, стык 13-й и 21-й армий

Командующий Брянским фронтом генерал армии Георгий Жуков

В результате невероятных усилий командующего фронтом к раннему утру 25 августа в районе Новозыбкова оказалась сосредоточена сводная ударная группировка в составе 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии (ВС РФ), 2-й гвардейской мотострелковой Таманской дивизии (ВС РФ), 108-й танковой дивизии (РККА), 55-й и 4-й Донской кавалерийских дивизий (РККА), а также 307-

й, 282-й и 283-й стрелковых дивизий (РККА). Командовал сводным соединением заместитель командующего 1-й танковой армии генерал-майор Андрей Копылов (ВС РФ), его заместителем был генерал-майор РККА Аркадий Ермаков. При этом из числа переданных в состав сводной ударной группы соединений РККА только 4-я кавалерийская Донская дивизия имела боевой опыт сражений Великой Отечественной Войны (как 210-я мотострелковая дивизия), остальные соединения были сформированы в Московской области во второй половине июля – первой половине августа из призывных контингентов, подпавших под первую волну мобилизации.

Силы противника на противоположной стороне состояли из отступивших к Гомелю остатков 4-й танковой дивизии (почти полностью утратившей свои танки) и соединений 2-й армии вермахта (7 пехотных дивизий и артиллерийские части усиления). Помимо всего прочего, части усиления включали в себя два отдельных пушечных дивизиона, каждый из которых был вооружен 12-ю трофейными 105-мм французскими пушками 105 mle 1913 Schneider на механизированной тяге, а также отдельный легкий зенитный дивизион вооруженный 12-ю 105-мм зенитными пушками Флак 38 на конной тяге. 105-мм пушки на коротких дистанция в кормовой и бортовой проекциях были опасны даже для танков из 2018 года. Боевую ценность французских пушек снижал однобрусный лафет, не позволявший быстро переносить огонь по фронту с одной цели на другую, а ценность 105-мм зениток снижала их большая масса в походном положении (до 15 тонн) что при конной тяге резко ограничивало возможность маневра данными орудиями с одного участка фронта на другой. Хотя, в данном случае потребность в маневре была минимальной, угрожающее направление, вдоль которого мог быть нанесен удар, было только одно (шоссе Новозыбков-Гомель), и именно там, недалеко от населенного пункта Злынка немецкие зенитчики спешно оборудовали себе позиции. Туда же были подтянуты и дивизионы, вооруженные трофейными пушками Шнайдера.

Помимо всех этих мер, командующий 2-й армией генерал-полковник Максимиллиан фон Вейхс слал и слал наверх тревожные сообщения о неизбежности флангового удара со стороны сил пришельцев, уже разгромивших 24-й мотокорпус. Этого удара в штабе 2-й армии ждали утром 24-го августа, но тогда не срослось (еще не было окончательно завершено сосредоточение стрелковых дивизий РККА), и вот готовилось наступить утро 25-го августа.

Командующий Брянским фронтом прибыл в Новозыбков перед самым началом удара, на полюбившемся ему с первого дня пребывания в этой должности

вертолете Ми-8, который сопровождали два «аллигатора». Вместе с Жуковым прибыл его мобильный штаб, группа молодых и, как считалось, талантливых командиров, которых он назначал на должности тех неудачников, которых отдавал под трибунал. Впрочем, в этот раз он прибыл не для того, чтобы вмешиваться и руководить – российский замкомандующего вроде бы не давал никаких оснований думать, что он нуждается в опеке. Жуков прибыл посмотреть, как потомки будут осуществлять наступательную операцию, и показать это своему выводку молодых военных гениев. В принципе учиться у хороших учителей не поздно никогда и никому. Кто-то может спросить – а зачем это Жукову? Ведь он и так гений! Ответ будет прост. Современная тактика вооруженных сил российской федерации в общевойсковом бою составлена из тех ценных находок и открытий, которые советские военачальники (в том числе и Жуков) сделали в период 1941-45 годов. Почти ничего из этого Жуков в августе 1941 года не знал, и с удовольствием готов был учиться – пусть даже косвенно и сам у себя.

Первой заговорила российская гаубичная артиллерия и тяжелые минометы, обрушившиеся шквалом огня на немецкий передний край и позиции второй линии обороны, отдаленной от линии фронта примерно на десять километров. Там, на втором рубеже, где были сосредоточены все тяжелые противотанковые средства 2-й армии, предназначенные как раз для отражения массированной атаки российских суперпанцеров, сейчас тоже бушевал шквал огня и металла. Основная для российской армии гаубица МСТА – неважно, в самоходном или буксируемом варианте – переплевывает по дальнобойности немецкую дивизионную артиллерию в три-четыре раза, и немецкие артиллеристы даже не могли вести контрбатарейную борьбу, ибо все цели, которые обнаруживали звукометристы, находились за пределами досягаемости их орудий. Но это было далеко не все. Пока молчали заряженные полными пакетами тридцать шесть установок Торнадо-Г. Они ожидали того ключевого в сражении момента, когда напуганный фон Вейхс начнет перебрасывать свои резервы, чтобы ввести их в бой против атакующих российских войск. Для РСЗО нет более «вкусной» цели, чем пехота и артиллерия, колоннами плотно прущаяся по шоссе.

Полтора часа бушевал артиллерийский шквал, а потом под прикрытием российских САУ ведущих корректируемыми снарядами по уцелевшим огневым точкам врага и российских же танков стреляющих прямой наводкой в атаку поднялись советские стрелковые дивизии. Любая пулеметная очередь или попытка как-то иначе обидеть советских солдат вызывала ответную плюху со стороны потомков. Всего через час после начала атаки и ожесточенной рукопашной первая линия траншей была взята. А ведь от линии фронта до

Гомеля всего-то шестьдесят три километра по шоссе и пятьдесят пять по прямой, как ворона летает. Если сопротивление немецких войск будет сразу сломлено, то это два-три часа хода для танков и БМП и половина суточного перехода кавалерии.

* * *

25 августа 1941 года, 06:15. 49 км. восточнее Гомеля, д. Злынка, позиции 611-го легкого зенитного дивизиона ПВО

Младший унтер-офицер люфтваффе[1 - В Третьем Рейхе артиллерия ПВО относилась не к сухопутным войскам а к люфтваффе] Рольф Нойман

Наша зенитная пушка Флак-38 – штука мощная, но уж очень тяжелая, а оттого неповоротливая. А еще, когда формировали наш дивизион, для него не нашлось мехтяги, поэтому с лошадьми в упряжках на марше мы едва ползаем, особенно по русским дорогам, что и немудрено, если в походном положении каждая наша пушка весит почти по пятнадцать тонн. И вот кому-то пришло в голову поставить наш дивизион в противотанковую оборону – мол, самолетов у русских осталось совсем мало, и «эксперты» из истребительных эскадр с ними вполне справляются, а вот новые русские суперпанцеры, против которых бессильны обычные противотанковые пушки, с самого начала нашего восточного похода стали серьезной проблемой.

Наши зенитки с легкостью разделываются с «непробиваемым» русским КВ, которых у русских, по счастью, было немного, и сначала мы думали, что так же будет и с новыми русскими «суперпанцерами», что так напугали наших бравых танкистов. Наши пушки, в основном предназначенные стрелять почти точно вверх, несмотря на возможность кругового обстрела, а также тяжелого, но одновременно очень быстрого снаряда, из-за высокого силуэта и большой массы плохо подходят для анти-панцер обороны. В случае если что-то пойдет не так, и мы не справимся с задачей, у нас не будет возможности экстренно сняться с позиций и отступить, потому что слово «экстренно» – это вообще не про нас. Да нас и пехота догонит, а не только брошенные на преследование русские панцеры.

Наш командир батареи, гауптман Шульце, сказал, что наш дивизион направили на угрожающее направление заблаговременно, как только появились первые

разведданные о возможности удара русских панцеров во фланг нашей армии. Тут, собственно, всего одна дорога, и стоит сделать с нее хотя бы пару шагов – и вы по горло увязли в болоте. Ну просто идеальная противотанковая позиция, примерно как у трехсот спартанцев в Фермопилах, тем более что вместе с нами оборону заняли еще два отдельных пушечных дивизиона, вооруженных трофейными французскими пушками Шнайдера того же калибра, что и у нас. У них, конечно, труба пониже и дым пожиже – то есть ствол в два раза короче и снаряд летит значительно медленнее, зато вес пушки в походном положении меньше трех тонн и полугусеничные тягачи на буксировке. Если фронт все же будет прорван, у них есть возможность попытаться удрать, а нам об этом не стоит даже и мечтать.

Это я говорю потому, что два дня подряд, позавчера и отчасти вчера, мимо нас к Гомелю отходили остатки разгромленной 4-й панцердивизии, потерявшей в боях все свои панцеры, артиллерию и вообще все тяжелое вооружение. Да и солдат в отходящих мимо нас частях было не так уж и много, чтобы сказать, что там были два полных пехотных полка. Скорее два батальона. Несколько раз отступающие останавливались на привал неподалеку от расположения нашей батареи, и вот тогда-то мы впервые вдосталь наслушались ужасов в духе пресловутой Уэлссовской Войны Миров. Именно тогда впервые прозвучали слова «пришельцы» и «марсиане». «Марсианами» наши солдаты назвали вражеских солдат, полностью закованных в персональный панцирь, в закрывающих лица очках-консервах и противопыльных масках-респираторах. Говорят, что это жутко – когда прямо на тебя следом за неуязвимыми бронированными машинами идут сотни безликих солдат, одинаковые, как изделия фирмы «Крупп». Именно тогда мы впервые услышали ужасные истории о приземистых неуязвимых панцерах с длинноствольными пушками не менее чем двенадцатисантиметрового калибра. Снаряды из этих пушек с легкостью пробивали насквозь любые наши панцеры и, самое главное, по словам отступающих солдат, этих «суперпанцеров» было у «марсиан» так много, что даже у самых больших оптимистов опускались руки. Ну, подобьем мы один, два или три – так остальные вдавят нас в землю и железной лавиной пойдут по нашим телам дальше.

Наш гауптман Шульце послушал эти разлагающие разговоры, а потом прогнал болтунов прочь палкой, пригрозив, что донесет на них в ГФП как на паникеров, подрывающих боевой дух победоносного вермахта. Не может быть, чтобы непобедимый германский солдат бежал от каких-то русских жидобольшевиков, какие бы панцеры те себе не настроили. Наша батарея уже подбивала считающиеся неуязвимыми Т-34 и КВ, и новый черт должен быть ничуть не страшнее двух старых. Кто из них прав – гауптман или «паникеры» – нам

предстояло узнать в самое ближайшее время. Гауптман у нас идейный нацист, и по итогам восточного похода надеется получить большое поместье со множеством славянских рабов, а вот солдаты, которые рассказывали нам о «марсианах» – это простые немцы, заглянувшие в пасть самой смерти и увидевшие ее ужасный оскал.

Наши подозрения подтвердились очень скоро. Сегодня утром на самом рассвете к востоку от нас часто и мощно загрохотала русская артиллерия. Передовая позиция наших войск располагалась километрах в шести перед нами у деревни со странным названием Деменка, и, судя по грохоту канонады, она подверглась сильному обстрелу. У русских вообще тут все названия очень странные, о которые нам, честным немцам, теперь приходится ломать свои языки. Ну ничего, когда мы окончательно установим свою власть над этой землей, то непременно переделаем все местные названия на благозвучный для нас немецкий лад.

Отдельные пятнадцатисантиметровые снаряды залетали и на нашу позицию, левым флангом упирающую в небольшое, но топкое болотце, правым флангом в деревню, название которой переводится как Штейндорф, а по фронту ограниченную болотистым ручьем, который русские панцеры не должны пересечь ни при каких обстоятельствах. Болот, ручьев, речек и лесов в этом краю много, а вот дорог мало, и мы, как говорит гауптман Шульце, быть может, перекрываем одну из важнейших магистралей, вдоль которой «марсиане» сумеют ударить во фланг и тыл нашей второй армии, давящей сейчас большевиков на юг, или же уже наши панцеры, подтянутые с других участков фронта, ударят на восток в тыл вражеской группировке. Хотя, если задуматься, то если «марсиане» сумели с легкостью уничтожить 3-ю панцердивизию и основательно расколошматить 4-ю, быть может, попытка этого удара обернется для нас очередным конфузом. Но этого гауптман Шульце не говорил, это я сам додумал.

Кстати, о «марсианах». Незадолго до начала обстрела нашей позиции русскими пятнадцатисантиметровыми снарядами в воздухе почти на пределе видимости вдали от дорог над верхушками деревьев завис «марсианский» летательный аппарат с большим винтом сверху. Вчера один такой на малой высоте летал поблизости от наших позиций, и прилетевшие парой «эксперты» ничего с ним не смогли сделать – уж слишком легко он, вертясь почти на месте, увертывается от атак и в ответ с легкость сам огрызается из пушки весьма крупного для самолета калибра. В результате один наш истребитель оказался сбит, а один, дымя и подвывая мотором от обиды, улетел с повреждениями на свой аэродром.

Вот и сегодня это завис над лесом, и никто его не гоняет. Во-первых – знают, что это опасно, а во-вторых – никому он там не мешает.

Вроде бы сам артиллерийский обстрел был не таким уж плотным, русские и «марсиане» скорее ставили своей задачей не уничтожить наш дивизион, а помешать ему заниматься дальнейшим оборудованием позиций. Но, несмотря на это, в течение часа в нашей батарее прямыми попаданиями и близкими разрывами было выведено из строя три орудия из четырех. Также имелись большие потери в личном составе, потому что один из русских снарядов попал в блиндаж, в котором были сложены боеприпасы нашей батареи. От этого взрыва нас всех контузило, а все вокруг затянуло дымно-пылевым маревом. Это было просто какое-то колдовство, что некоторые снаряды точно падали прямо на важные цели. Гауптман Шульце, технически образованный человек (все-таки артиллерист, а не какая-нибудь пехота) сказал, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Теория вероятности, мол, не позволяет. Впрочем, вскоре этот обстрел прекратился, и наша батарея осталась при одном орудии с двумя десятками снарядов, поданных из погреба к моменту начала обстрела. В других батареях, прикрывающих это направление, дела обстояли где хуже, где лучше, но в среднем все было то же самое. Уцелело одно-два орудия из четырех, повреждены или уничтожены электрогенераторы, питающие приводы наших пушек, а также разрушен прямым попаданием один командный пункт и один склад боеприпасов. В принципе, все, что мы тут копали три дня, не годилось для того, чтобы противостоять пятнадцатисантиметровым снарядам, которые запросто пробивали перекрытия блиндажей в три наката и заставляли осыпаться вырытые в рыхлой песчаной почве орудийные окопы.[2 - По позициям германского дивизиона стреляла батарея гаубиц «МСТА-С», пять орудий вели огонь обычными осколочно-фугасными снарядами по площадной цели, а шестое, временно выведенное из состава батареи, по команде с вертолета-корректировщика посылало в сторону врага корректируемые снаряды «Краснополь-М», которые и уничтожили три орудия из четырех, а также склад боеприпасов, который наводчики издали спутали с КП (командным пунктом) батареи. Кроме того, в ходе этого обстрела вертолет-наводчик брал на мушку орудия и сооружения, принадлежавшие другим батареям 611-го легкого зенитного дивизиона ПВО.]

Но это было далеко не все. Когда этот обстрел прекратился, в шести километрах от нас разгорелся ожесточенный бой, потому что русская пехота, уставя перед собой штыки, кинулась в очередную отчаянную атаку. Наши пехотинцы-кригскамрады на привалах, было дело, рассказывали нам зенитчикам, как это обычно бывает, и как наши пулеметы сотнями косят этих безумцев, устилая

землю телами в мундирах цвета хаки, а они все идут и идут вперед, и нам остается только удивляться, почему в России до сих пор не закончились все люди. Но в этот раз, (видимо, из-за «марсиан») все пошло совсем не так просто, потому что через некоторое время на дороге появились первые группы отступающих. Пока что это были легкораненые, сопровождающие санитарные повозки. Они-то нам и рассказали, что натиск большевиков жесток и неудержим, и что в атаку они идут вместе с чудовищными панцерами и «марсианской» пехотой, которая не оставляет после себя в живых ни одного немецкого солдата. Только что под их ударом пала вторая траншея, и теперь бой переместился к третьей линии окопов, которой еще, собственно, нет. В бой брошены последние резервы – даже писари и повара[3 - В вермахте писаря, повара, сапожники и прочие тыловые крысы числились как бы составе боевых подразделений, и в случае чего командир недрогнувшей рукой бросал их в бой. В РККА все было прямо наоборот. У всех тыловиков имелось свое отдельное тыловое начальство, и воевали они только в случае непосредственного нападения на обоз или штаб.], но и этого теперь хватит ненадолго, потому что большевики и «марсиане» давят подобно паровому катку.

После этих слов мне стало понятно, что и нам придется сражаться с наседающими русскими. А как сражаться, когда больше половины артиллерии повыбито еще до начала боя, а пехотного прикрытия (правда, прикрытого болотистым ручьем) – не больше батальона. А ведь там, впереди, под гусеницами русских танков, сражаясь, погибли не меньше двух полнокровных пехотных полков, и эти бредущие в тыл раненые – это все, что от них осталось. Потом впереди показались идущие на рысях артиллерийские упряжки с дивизионными десятисантиметровыми гаубицами, а это значило, что артполк (или его остатки) снялся с позиций и спешно отступал, чтобы не попасть под девятый вал вражеского наступления. Раз, два, три… Одиннадцать орудий из тридцати шести. Остальные или пришлось бросить, потому что убило лошадей, или пушки были так повреждены, что их не представлялось возможным тащить с собой.

Прямо на наших глазах из-за леса вывернула пара винтокрылов, похожих на доисторических летающих чудовищ, и в плотном строю с ходу прошлась по отступающей артиллерийской колонне из пушек и пулеметов. Мы видели, как трепещет пламя выстрелов в носу и таких круглых штуках под короткими крыльями этих чудовищных аппаратов, как часто-часто встают на дороге разрывы мелкокалиберных снарядов и крупнокалиберных пуль, как бьются с отчаянным ржанием раненые кони и как умирают наши кригскамрады… Все одиннадцать орудий вместе с расчетами и упряжками остались на дороге, не

доезжая моста через ручей. Из остатков полка выжило не более десятка человек (и трое из них сразу же сошли с ума), а винтокрылы, сделав свое черное дело, пролетели прямо над нашими головами. Мы в них стреляли, но все было без толку. На мгновение сверкнуло грязно-голубое бронированное брюхо с большой красной звездой, сверху вниз на наши головы обрушился ураган взбешенного воздуха, поднявшего целую тучу пыли и уши поразил странный свистящий звук двигателя этого аппарата – грозный и зловещий. А когда я все-таки сумел проморгаться, то увидел, что эти аппараты закладывают широкий вираж, чтобы развернуться для повторной атаки.

Но все уже не имело никакого значения, потому что в тот момент, когда мы смотрели за разворачивающимися винтокрылами, из лесу со стороны правого фланга и тыла выехало большое количество русских кавалеристов, атаковавших наши позиции. Вот ведь незадача – мы ждали жестокие сверхсовременные суперпанцеры «марсиан» с фронта, а оказались захвачены ударом вполне себе архаичной большевистской кавалерии с тыла. Я оказался среди тех немногих, кто своевременно поднял руки вверх и избежал нарубания на порционные куски казачьими саблями. А суперпацеры я тоже увидел, но позже, когда нас уже гнали в составе колонны пленных на восток.

* * *

25 августа 1941 года, Полдень. Великобритания, Лондон, бункер Правительства, военный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилль

Сюда, в эти тихие помещения, скрывающиеся под толстым слоем земли и бетона, никогда не доносились отзвуки бушующих на поверхности военных бурь. Выли ли над Лондоном сирены воздушной тревоги, падали ли с почерневших от дыма и горя небес немецкие бомбы, гремели ли залпы зенитной артиллерии, здесь, в правительственном бункере, всегда было тихо и уютно. Работающие тут люди никогда не кричали, как бы ни была плоха обстановка, а разговаривали исключительно вполголоса, чтобы не помешать британскому премьеру размышлять над вопросами, от которых зависит жизнь и смерть Британской империи.

Тем более повода для волнений не было сейчас, когда худшее, казалось, осталось позади и чудовищная германская военная машина, раздумав форсировать Канал, развернулась на восток и внезапно напала на Советскую

Россию. Вот уже два месяца на иссушенной жарким летним солнцем восточно-европейской равнине большевистский режим отчаянно сражался за свою жизнь, проигрывая территории и жизни сотен тысяч солдат и офицеров, но выигрывая время, необходимое огромной стране для мобилизации и концентрации всех сил. Сражаясь за себя, он одновременно сражался за Британию. Пока на востоке продолжает сопротивление Красная армия, никакая десантная операция германских войск на Британские острова попросту невозможна.

Не имеющий ни капли симпатии к русским вообще и большевикам в частности, Черчилль надеялся, что в этом отчаянном поединке двух великих деспотий не будет победителей – одни побежденные. Он рассчитывал, что восточный колосс, рухнувший под натиском тевтонской ярости, сцепит мертвой хваткой свои руки на горле у победителя и утащит его вслед за собой в могилу. И вроде бы все к тому и шло. Чем дальше гунны углублялись на восток, чем меньше промышленных и продовольственных ресурсов оставалось в распоряжении советского правительства, тем яростней и ожесточенней, можно даже сказать, бессмысленней становилось сопротивление вторжению. Свежие, только что сформированные из мобилизованных солдат дивизии, не обученные и не слаженные, с одними винтовками, без поддержки артиллерии и авиации, прямо с колес швырялись в огонь сражений, чтобы лобовыми контратаками и реками проливаемой крови еще хоть на один день, или даже на полдня, затормозить неумолимый германский натиск на восток.

Перебирая бумаги, которые принес ему Стюарт Мэнзис, начальник Секретной Службы его Величества, Черчилль подумал, что в последние дни произошло нечто невероятное. На месте отчаянно фанатичных, но плохо обученных и вооруженных красных войск, под чистый серебряный зов призывающей в атаку фанфары вдруг появились блистающие великолепной выучкой тяжеловооруженные полки первоклассной кадровой армии. По версии большевиков, которую они довели до главы британской военной миссии в Москве генерал-лейтенанта Фрэнка Мэйсона-Макфарлана, поражение отборным германским 24-му и 47-му моторизованным корпусам нанесла Первая Особая Ударная Танковая Армия и подтянутые из глубины страны свежие стрелковые дивизии Брянского фронта, под общим командованием генерала армии Жукова. В сопроводительной записке, приложенной к этому сообщению, генерал Макфарлан писал:

«При этом разговоре было ясно видно, что, говоря о некоей первой ударной танковой армии, Молотов без зазрения совести врет, и никакой такой армии у

большевиков не существует, а есть нечто, о чем он не хочет и не может сказать вслух. При этом надо сказать, что генерал Жуков был назначен командующим Брянским фронтом уже после разгрома 24-го мотокорпуса гуннов, и что в последние дни по Москве пошли разговоры о неких могущественнейших союзниках то ли из других миров, то ли из других времен, которые неожиданно вмешались в ход битвы под Смоленском, переломив ее в свою пользу. И хоть тяжелые бои продолжаются, большевистскую столицу охватил приступ, казалось бы, беспричинной эйфории. Москвичи поздравляют друг друга с первой победой и говорят, что теперь-то все уж точно будет хорошо – «враг будет разбит и победа будет за нами»».

Прочитав эту бумагу, Черчилль отодвинул ее в сторону, поднял глаза на своего начальника разведки и спросил:

– Что скажете, Стюарт – большевики действительно обзавелись какими-то могущественными союзниками, которые вступили в войну на их стороне, или они просто выдают желаемое за действительное?

– Не думаю, – ответил начальник секретной службы его величества, – у нас есть донесения агентов, работающих по обе стороны фронта, которые говорят, что это так и есть. Войска гуннов потерпели сокрушительное поражение от небольших, но прекрасно обученных и вооруженных механизированных воинских формирований, неизвестного, но несомненно русского происхождения, из-за чего они легко налаживают взаимодействие с местными большевистскими частями. Только что поступило сообщение о том, что сегодня утром такая смешанная группировка нанесла фланговый удар по 2-й германской армии, наступавшей с севера в сторону Киева. 43-й армейский корпус гуннов, прикрывавший это направление, был с легкостью смят, а две пехотные дивизии вермахта, оказавшиеся на пути пришельцев, буквально размазаны на дороге. Вы представляете, сэр Уинстон, какой силой должен обладать артиллерийский удар чтобы в течение нескольких минут полностью уничтожить марширующий по шоссе пехотный полк[4 - Это поработали установки РСЗО «Ураган», которые до самого последнего момента ждали начала переброски пехотных резервов противника к месту прорыва фронта. Нет, конечно, после их залпов полными пакетами живые немецкие солдаты и офицеры в составе уничтоженных полков еще оставались, но все выжившие были в таком состоянии, при котором требуется длительное лечение в условиях стационара, а затем светит пожизненная инвалидность.]. Теперь их группировка буквально с минуты на минуту готова ворваться в недавно оставленный большевиками Гомель.

Немного подумав, Стюарт Мэнзис добавил:

– Наш источник среди офицеров штаба группы армий Центр сообщает, что командующий центральной германской группировкой генерал-фельдмаршал Федор фон Бок находится в состоянии, близком к панике, что на него вовсе не похоже. Действия противника, именуемого в германских штабах «марсиане» (скорее всего, по аналогии с известной книгой нашего писателя Уэллса), стали дня гуннов такими же стремительными и неудержимыми, какими были их собственные действия по отношению к большевикам всего две недели назад.

Нам стало известно о распоряжении верховного командования вермахта, предписывающем приостановку активных наступательных действий на всех остальных направлениях и отправку всех доступных резервов, в первую очередь подвижных частей, в распоряжение группы армий «Центр». Причем делается это с такой лихорадочной быстротой, будто не гунны стоят на пороге Москвы, а наоборот, большевики на пороге Берлина. Кроме того, есть информация, что ни один немецкий самолет не может безнаказанно пролететь над занятой «марсианами» территорией, из-за чего германское командование полностью лишено сведений со стороны воздушной разведки, на которую оно привыкло полагаться.

– Так значит, уэллсовские «марсиане»… – хмыкнул Черчилль. – Мы, конечно рады поражению гуннов, но, Стюарт, постарайтесь разузнать об этих «марсианах» как можно больше. Задействуйте всех, кого сможете. Пока у нас недостаточно сведений о том, насколько они могут быть опасны для нашей Британской империи. А сейчас идите. Я буду думать.

* * *

26 апреля 2018 года 10:15. Украина, евросело Козино под Киевом, Резиденция президента Порошенко

Как говорится, снова те же и дама с собачкой. За истекшие двое суток почти ничего из того, что намечалось сделать для развязывания войны Украины с Российской Федерацией, сделано еще не было. Только немного увеличилась частота обстрелов на линии соприкосновения ВСУ и народных милиций республик Донбасса. В остальном никто никуда не шел. Рада не расторгала договор о дружбе от 1997 года и не объявляла войну, Украинский Генштаб не

передислоцировал к российской границе новые подразделения, а шоколадный президент не очень-то их и понукал, увлекшись дегустацией молдавских коньяков. Вот и сейчас едва стоит на ногах, шатается, буркала выкатил, из рта перегаром так и несет. Всего-то десять часов утра, а незалежный (значит не залежался) президент-кондитер уже в зюзю и лыка не вяжет.

Единственное, что американская дипломатия смогла записать в свой плюс, это набег на сопредельную сторону банды боевиков из числа единомышленников Дмитрия Яроша. Правда, набег весь продлился не дольше пары часов, потому что его целью был выбран приграничный поселок Чертково на севере Ростовской области и расположенный при нем второстепенный погранпереход местного значения, на котором вы никогда не увидите ни колонн фур, ни пробок из легковушек спешащих в це-европу и обратно. Максимум по пять-шесть машин в каждую сторону.

Налетели, пошумели, постреляли, в том числе и изображая из себя нацистских карателей по местным людям. Сожгли пограничный КПП и здание администрации, развесили повсюду жовто-блакитные флаги, намалевали на заборах лозунги вроде «Украина понад усе» и «Бандера приде, порядок наведе», а потом сдристнули обратно в це-европу, не дожидаясь не то что выдвижения частей регулярной армии, но даже прибытия подразделений Росгвардии, то есть бывшего ОМОНа или СОБРа. Но задача спровоцировать россиян на ответное вторжение не удалась. На провокации никто не поддался, МИД лишь выпустил дежурную ноту протеста. В Украине поднялась волна ликования, но это была как раз та перемога, которая тут же обернулась зрадой, потому что Москва перестала сдерживать амбиции Донецка и Луганска на военную победу над ВСУ. Через границу пошли конвои с топливом и боеприпасами, а на линии соприкосновения снова разгорелись ожесточенные артиллерийские дуэли, и это притом, что командование ополченцев получало самые свежие разведданные с российских спутников и барражирующих вдоль границ самолетов ДРЛО А-50.

И ведь самое главное в том, что такой рейд теперь уже больше не повторить, и вообще перспективы для молодой украинской государственности вырисовывались самые мрачные. Вдоль всей российско-украинской границы заняли оборону выдвигающиеся из глубины части ВС РФ, а на донецком и мариупольском направлениях они, ожидая приказа, стояли у пунктов перехода, свернутые в походные колонны. Все приграничные КПП были обнесены стенками из бетонных блоков, а в капонирах дежурила бронетехника. При этом сопредельная сторона была предупреждена, что один единственный выстрел с

украинской стороны на российскую будет иметь для армии салоедов самые веселые и интересные последствия. Вплоть до полной аннигиляции. Два или три дня назад массовое вторжение украинских войск и националистических банд на российскую территорию еще могло иметь отвлекающий и шокирующий эффект, но теперь все будет с точностью до наоборот. Уже хохлы окажутся шокированы быстротой, силой и жесткостью ответного удара москалей, а также тем, как далеко они готовы зайти в стремлении к безопасности своих рубежей.

И вообще, Тягнидупа и компанию, которые в день общероссийского траура провели в Киеве шествие в поддержку А. Гитлера с участием ветеранов дивизии «Галичина» и их потомков, стоило бы записать в самые главные агенты Путина, ибо о большей помощи в деле антиукраинской мобилизации тот не мог бы и мечтать. При этом мобилизовалась не только Россия, которой еще раз дали посмотреть на скачущих гемадрилов, но еще и Польша с Венгрией, у которых к главным це-европейцам были свои вопросы, накопившиеся чуть ли не со времен восстания Костюшко.

И вообще, Москва явно не хотела в этот тяжелый момент брать на себя такую обузу, как бывшая союзная республика, за двадцать семь лет самостийного правления в плане экономики превращенная в Руину, а в политическом смысле – в самую большую психбольницу на планете, власть в которой в руках у пациентов. Но при этом демонстрировалась решимость – раз уж так сложилась ситуация, в любой момент, когда это потребуется, и невзирая ни на какие дипломатические и пропагандистские вопли, войти на территорию неудавшегося государства и, вскрыв назревший нарыв, зачистить ситуацию до белых костей. До шуточек ли тут, когда отношения с коллективным Западом дошли до такой горячей отметки, что дальше только война, а по ту сторону облака-портала в 1941 году российский экспедиционный корпус насмерть бьется с проклятыми германскими фашистами.

С точки зрения Волкера, с мрачным видом взирающего на укропрезидента, а также его вашингтонского начальства, эти факты означали, что прокси-войны с Россией руками украинской армии и отрядов националистов, скорее всего, не будет, а если она и будет, то ее результат будет весьма далек от ожидаемого коллективным Западом. Да, некоторое время после воссоединения с разоренными территориями бывшей Украины России будет тяжело, но потом, когда будут закончены реанимационные мероприятия, она за их счет только усилится. Самое главное для русских – не брать на себя территории, лежащие западнее Збруча, и западноукраинцы будут вынуждены сами разбираться со

своими бывшими колонизаторами, и наоборот. Но в Москве достаточно умны, чтобы не делать такой глупости, так что осложнить им жизнь с этой стороны тоже не получится.

Плюнув на ковер и все на свете, Волкер развернулся и вышел прочь. Он сделал все, что мог, и дальнейшее уже было не в его власти. Можно сколько угодно давить на начальство, и оно даже будет со всем соглашаться, но солдат не хочет умирать за президент-кондитера на безумной братоубийственной войне, поэтому войска вперед не идут, а окапываются, окапываются, окапываются....

* * *

26 апреля 2018 года 11:45. Московская область, государственная дача «Ново-Огарево»

Примерно над теми же вопросами думало и руководство Российской Федерации. Мало того, что президент Путин предпочел бы, чтобы вопрос с Украиной решился мирным дипломатическим путем (и ведь еще несколько лет такая возможность вполне существовала). В какой-то момент пророссийские симпатии даже начали перевешивать чашу весов, и вот тогда западные «партнеры» решили грубо вмешаться и устроили националистический переворот в Киеве. В результате у российского общества окончательно отвалились иллюзии как в отношении Украины, так и самого Запада, а вместо них появилась твердая уверенность, что «мы побеждаем», «наша армия лучшая» и «Крым наш!».

У Украины в результате переворота выпали Крым и Донбасс, а также серьезно зашаталось все остальное. Зато у украинцев появилось множество доверху заполненных зрадами Донбасских котлов и бесконечная АТО с таким же бесконечным Минским процессом, по которому переговорщики уже который год трут воздух «ниочем». У Запада в первую очередь упал здравый смысл и его, в последней отчаянной попытке поставить Россию в старое ельцинское стойло, никто и не думает поднимать. Политики сменяют друг друга в отчаянной антироссийской чехарде, и каждый следующий выглядит тупее предыдущего. Макрон, Мэй, Джонсон, Трамп со всеми своими трампятами, при непредвзятом взгляде со стороны выглядят эдаким коллективным Порошенко, пьяным до такого изумления, что он не помнит, что говорит и кому.

При этом антироссийская риторика перемежается самыми настоящими военными провокациями, серьезными настолько, что в любой момент могут полететь ракеты. В таких условиях нет смысла сдерживать себя хоть какими-нибудь условностями. И ведь не сиди в украинских военных такой большой глубинный страх перед прямым столкновением один на один с армией Российской Федерации, они бы и в самом деле могли бы вторгнуться на российскую территорию, желая помимо Крыма и Донбасса «вернуть» себе Курск, Белгород, Воронеж, Ростов на Дону и даже Краснодар.

Еще немного подумав, президент придвинул себе папку с надписью «План Днепр» и поставил под ним свою подпись. На первых порах этот план предусматривал официальное признание Россией Донецкой и Луганской народных республик, а также быстрый выход из разных говорилен, вроде Минского и Нормандского процессов. В итоге вся эта запутанная ситуация должна быть решительно разрублена мечом, но не российским, а донецких ополченцев, ведь именно их МИД признает представителями правильной домайданной Украины, и единственное, что для этого надо сделать, додавить до конца процесс создания федеративного государства, пусть даже оно будет называться не Украиной, а Новороссией.

* * *

26 августа 1941 года. 09:25. Брянский фронт, зона ответственности экспедиционной группы войск

Батальонный командир 125-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии РККА старший лейтенант Виктор Петрович Ростовцев

Шесть дней и ночей мы сражаемся в составе батальонной тактической группы майора Потапова. Сначала нас было около сотни – вышедших из окружения бойцов и младших командиров РККА, и мы считались как бы дополнительной четвертой ротой батальона; но три дня назад, вечером 23-го августа, из тыла на наши позиции прибыл майор Сергачев с приказом о назначении его командиром 125-го стрелкового полка. При этом видно – сам он только что из госпиталя, ибо из гимнастерки и прочего еще не выветрился удушливый запах карболки, и что вторую шпалу ему в петлицы всадили совсем недавно – то есть буквально вчера этот майор был еще капитаном. Но все это и радует, потому что говорит, что майор Сергачев человек бывалый, а не какой-нибудь бывший военком, раньше

воевавший с врагом только по призывным плакатам.

Сдал я товарищу Сергачеву «дела», которые у меня остались как у старшего по званию с момента убытия в госпиталь майора Маркина, торжественно передал сохраненное боевое знамя и отчитался, как мы воевали до выхода из окружения и после, в составе батальонной группы майора Потапова. Да и сам майор тоже не слепец. Посмотрел он на сгоревшую технику вражеской разбитой штабной колонны, на сбитых немецких стервятников, которых тут было не один и не два, и даже не десяток, на поля в окрестностях этих Смольков, сплошь усыпанные «тушками» подстреленных фрицев. Потом глянул на монструозные танки потомков, которые, казалось бы, неуязвимой немецкой самоходке в лобовом листе делают дыру такую, что в нее пролезет голова, а корма при этом раскрывается «розочкой», выплевывая на землю искалеченный мотор.

Но самое главное – это все же не техника, а люди. А вот на таких бойцов, как потомки, посмотреть стоит особо. Ведь они уверены, что германские солдаты – это не самый страшный, почти непобедимый враг на свете, а так, ничего особенного, стоит только подойти к делу серьезно, сосредоточившись, засучив рукава и наполнив себя первозданной яростью. Ну и командование, само собой, должно быть серьезным, а не такие генералы, что собственный зад двумя руками не найдут и драпают с поля боя впереди собственного визга. Генерал армии Жуков, которого недавно назначили командовать Брянским фронтом, как раз из серьезных. Старший лейтенант потомков Голубцов, с которым мы сдружились за эти шесть дней, сказал мне, что Жуков – это так круто, что и лучше быть не может. Теперь все наши тыловые раззвиздяи забегают как наскипидаренные, а немцам и вообще лучше сразу вешаться. Пришел полярный лис и теперь всех их перекусает.

Кстати, меня тоже повысили до старшего лейтенанта, и приказом майора Сергачева я назначен временно исполняющим обязанности командира первого батальона. Мол, если покажу себя в боях, то капитанская шпала и постоянная должность комбата для меня не заржавеют. Ведь он, майор Сергачев, тоже видит, что я бывалый, обкатанный, обстрелянный, в трех водах полосканный, в огне горевший, да не сгоревший. Сначала я думал, что назначение меня В.Р.И.О. комбата – это такая шутка, потому что во всем нашем полку народу было примерно на полнокровную роту, но уже утром из тыла на огромных грузовиках потомков массово начали подвозить маршевое пополнение. Для переформирования нас даже не стали отводить в тыл, а просто начали присылать все новых и новых свежемобилизованных новобранцев. Больше того,

наш 125-й стрелковый полк так и остался в тактической связке с батальонной группой потомков, которой командует майор Потапов. Мы заполняем рубеж обороны живой силой, а они обеспечивают поддержку огнем, броней и гусеницами. В обороне должно получиться очень даже неплохо, а что будет дальше – мы еще посмотрим. Теперь все в нашем полку, а не только те бойцы и младшие командиры, с которыми мы первыми вышли на потомков, уверены в том, что враг будет разбит, причем в самое короткое время, и победа обязательно будет за нами.

* * *

26 августа 1941 года, 9:45. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Звонок Жукова по ВЧ поднял Верховного после короткого и неверного сна. Но вождь не был в обиде на своего генерала. Совсем нет. Ради таких новостей можно вытерпеть и внеурочное пробуждение. Жуков докладывал, что фланговый удар по войскам 2-й германской армии сводной армейской группой Копылова-Ермакова можно считать полностью удавшимся. Танковая и мотострелковая дивизии потомков тяжелым тараном проломили фронт, следом за ними в прорыв вошли советские танкисты и кавалеристы, и в самом конце бегом бежали три стрелковые дивизии, перед которыми была поставлена задача закрепиться на рубежах, достигнутых танкистами из будущего. Ну как бежали бегом. Первые (и передовые) батальоны полков, как баре, ехали по шоссе на больших грузовиках, а остальные подразделения гнали так называемым «волчьим скоком», то есть – сто метров быстрым шагом, сто метров бегом.

В результате уже вечером, после заката, танки и боевые машины потомков ворвались на окраины Гомеля и решительным натиском смяли сопротивление немногочисленного немецкого гарнизона, и к утру полностью овладели этим областным центром и важным узлом железных и шоссейных дорог. Жуков доложил, что ворвавшиеся в город потомки имели над противником подавляющее преимущество, потому и смогли освободить Гомель так быстро и с минимальными потерями своих частей.

И случилось это не только благодаря численности, мощи вооружения и эффекту внезапности, ибо такого мощного штурма, да еще и в ночное время, никто не ждал, но еще и благодаря тому, что бойцы из будущего безлунной ночью с

полной отдачей смогли использовать свои портативные приборы ночного видения. К тому же потомки применили системы радиоэлектронной борьбы, полностью парализовавшие радиосвязь в радиусе пары десятков километров и нарушили управления боевыми действиями с немецкой стороны. Конечно, у немцев имелись осветительные ракеты, но, во-первых, в условиях городской застройки они не очень эффективны, а во-вторых, они довольно быстро кончились, после чего исчерпавшие их запас немецкие подразделения оказались беспомощны.

К тому же, как только на окраинах разгорелась стрельба, в том числе и с применением танковых пушек потомков, штаб 2-й армии вермахта, с момента прорыва фронта уже находившийся в состоянии лихорадочной подготовки к эвакуации, срочно снялся с места и, запихав в машины все самое важное и секретное, рванул по дороге на север, пока топор лязгнувшей гильотины не отсек его вместе с обреченными пехотными дивизиями 43-го и 13-го армейских корпусов в треугольнике между 21-й армией, наступающей группировкой Копылова-Ермакова и Днепром. То, что, когда надо, «марсиане» способны действовать стремительнее Гудериана, фон Вейхс уже знал и желал избежать близкого знакомства. Но гитлеровский генерал предполагал, а бойцы СпН ГРУ, устроившие засаду на его кортеж, располагали. Правда, живым взять командующего 2-й армией не удалось, ибо шальные пули в ночном бою не щадят и генералов, хотя, скорее всего, верна версия, что генерала застрелил его адъютант, которому это было поручено сделать в случае угрозы попадания в плен.

Уж очень сильно запугали немецких старших офицеров невесть откуда возникшие слухи о безудержной свирепости «марсиан». Или это повлияло рославльское дело, где спецназ ГРУ так же вычистил штаб армии и штаб корпуса? Ну так там никого не пытали, и пленных без суда не расстреливали, просто само нападение было внезапным и неотвратимым, а немецких чинов в ранге ниже майора в плен просто не брали, ибо их не на чем было вывозить. Это потом Геббельс расстарался, расписал все в цветах и красках, добавив семьдесят пять процентов художественного вымысла.

Но как бы там ни было, на данный момент наиболее боеспособные дивизии тринадцатого армейского корпуса оказались зажаты между Сциллой 21-й армии и Харибдой группировки потомков, а также лишились хранившихся в Гомеле армейских и корпусных запасов боеприпасов, медикаментов и продовольствия. Части и подразделения сорок третьего армейского корпуса, прикрывавшего

левый фланг 2-й немецкой армии и первым попавшего под уничтожающий удар сводной группы, частью оказались отброшены на северо-запад, в болотисто-лесистую местность за реку Сож, а частью присоединились к частям тринадцатого корпуса в их стезе окруженцев.

Конечно, ничего еще не было предрешено, сами немцы ни за что не сдадутся без боя даже потомкам; но по немецкой группировке был нанесен еще один сильнейший удар, а командующий Брянским фронтом генерал армии Жуков получил возможность с помощью потомков (помимо 13-й, так сказать) реанимировать еще и 21-ю армию. Но в любом случае Сталин решил ничего не загадывать вплоть до полного уничтожения вражеской окруженной группировки или ее тотального принуждения к капитуляции. Сумеют потомки это сделать – будет совсем хорошо. Не сумеют – тогда немцы обходными путями просочатся из котла на соединение со своими… Ну так уже достигнутое в ходе этой операции тоже неплохо, просто, как говорят те же потомки, планируемого осетра потребуется немного урезать.

* * *

26 августа 1941 года, 10:15. Тылы ГА «Юг» Коростень, железнодорожная станция Коростень-Подольский

Комендант, майор Руперт Ланге

Нелегка жизнь коменданта узловой станции в тылу немецких войск. Проходящие эшелоны необходимо обеспечить хлебом и горячим питанием, а подвижной состав и пути в зоне ответственности должны находиться в полной исправности. К тому же местное население люто ненавидит немецкую власть. Да как может быть иначе в городе, в котором на одну христианскую церковь приходится две синагоги? Комендант города оберст-лейтенант Георг Труккенброд уже обещал, что в самое ближайшее время он примет все меры по очистке города от евреев; но с момента взятия города прошло почти три недели, а ничего не изменилось. Несколько повешенных напротив городской комендатуры пособников большевиков не в счет. Но городскому коменданту хорошо – он воюет с евреями, сапожниками, портными, дантистами и скупщиками старых вещей, большинство из которых не способно обидеть и мухи. А ему, майору Руперту Ланге, приходится бороться с куда более серьезным противником.

Недавно верховное командование вермахта отдало приказ приостановить активные действия на всех участках Восточного фронта, кроме полосы группы армий «Центр», в распоряжение которой передавались все резервы, которые можно было снять с участков групп армий «Юг» и «Север», с учетом их последующего перехода к обороне. Данное решение означало, что в ближайшее время через Коростень, как через станцию ближайшей к фронту рокадной железной дороги, пойдет множество воинских эшелонов, а ему, майору Ланге, будет очень много работы. Одно дело – обеспечивать питание немецких солдат и офицеров, когда через станцию проходит один эшелон в сутки, и совсем другое, когда от двадцати до тридцати. То же самое с подвижным составом – под такой объем перевозок может просто не хватить паровозов и паровозных бригад.

Но действительность, как всегда в России, оказалась значительно страшнее ожиданий. Вчера, когда на станцию прибыл первый эшелон с частями элитной до блеска дивизии СС «Викинг», оказалось, что дальше на север взорван железнодорожный мост через реку Шестень. И так взорван, что обломки во все стороны разметало метров на триста, а под бывшим мостом возник приличных размеров омут, наполненный мутной жижей. И река там такая, что в это жаркое и сухое лето его курица вброд перейдет, и мост пусть и стальной, но всего в один пролет – а вот без него никуда. Пока не отремонтируют, никакого движения на север по рокадной трассе не будет. Конечно же, он, майор Ланге, немедленно выслал к месту происшествия специальный ремонтный поезд, нагруженный пиломатериалами для постройки временного деревянного моста. Позади поезда был прицеплен скотский вагон с нарами, в котором везли русских военнопленных. Когда доступна дармовая рабочая сила, немецкие солдаты не станут сами копать землю и пилить бревна.

Одним словом к тому моменту, когда ремонтная бригада прибыла на место и приступила к восстановительным работам (то есть к полудню), на станцию Коростень успели прибыть еще один эшелон с танками, эшелон с пехотой, эшелон с топливом и эшелон с боеприпасами. И эшелоны продолжали прибывать на станцию, строго по графику перевозок, который пока никто не догадался изменить или отменить. Но не успели немецкие инженеры осмотреть место, где стоял разрушенный мост и определить объем работ, как неожиданно в километре южнее взлетел на воздух мост через такую же речку-гавнотечку под названием Граничевка. Мост этот взорвался, между прочим, средь бела дня, при этом в воздухе не было видно пролетающих вражеских или каких-то иных самолетов, а охрана не сообщала о нападении диверсантов. Хотя какие там могут быть диверсанты днем, да еще такие, чтобы могли утащить на себе пару

центнеров взрывчатки, а ведь именно столько, по оценке немецких инженеров, было использовано при подрыве первого моста. Единственное, до чего смогли додуматься германские эксперты, так это до того, что взрывчатка в тело моста была уложена задолго до начала войны, и подрыв был осуществлен по проводам с потайного пункта, куда были выведены концы для подключения взрывмашинки.

Но хочешь не хочешь, а эту головную боль тоже надо было лечить, поэтому майор Ланге направил туда второй и последний имеющийся в его распоряжении ремонтно-восстановительный поезд. Одновременно он запросил помощи у оккупационных властей, потребовав, чтобы на последний, третий мост в этой группе, расположенный еще в полутора километрах южнее моста через Граничевку, в качестве живого щита были выведены местные жители, в присутствии которых никто ничего взрывать не будет. Те, разумеется, подсуетились и на железнодорожные пути в районе охраняемого объекта были выгнаны около сотни баб с маленькими ребятишками. Забегаешь тут, когда даже за небольшую задержку в переброске воинских эшелонов можно лишиться теплой и уютной должности и направиться на Восточный фронт рядовым, тем более что он тут совсем рядом. Одновременно поднятые по тревоге немецкие саперы обследовали все железнодорожные и шоссейные мосты вдоль маршрута следования перебрасываемых войск и доложили своему командованию о том, что везде все чисто и никаких закладок взрывчатки в мостах или под ними не найдено.

Ночь прошла беспокойно, потому что все станции Коростеньского железнодорожного узла превратились в некое подобие консервных банок, вместо селедки набитых эшелонами с войсками, техникой, топливом и боеприпасами. Весьма взрывоопасная и соблазнительная для вражеской авиации смесь, поэтому немецкие зенитчики бдели всю ночь, причем напрасно. Никто к ним так за всю ночь и не прилетел, только зря звукометристы крутили свои шарманки, а наблюдатели напряженно всматривались в горизонт.

Утром, когда ремонт мостов в северном направлении почти подошел к концу, вдруг неожиданно один за другим с коротким промежутком рванули мосты в непосредственных окрестностях Коростеня, обрубая ниточки железнодорожных путей. И вражеской авиации в воздухе опять не было, а мосты были заранее проверены саперами вдоль и поперек. Коростеньский узел к тому моменту был уже так переполнен, что следующие в северном направлении эшелоны теперь останавливали в Житомире и даже Бердичеве. Но никто еще не подозревал того,

чем пахнет это дело и что город Коростень превратился в смертельную ловушку для 14-го моторизованного армейского корпуса, включавшего в себя мотодивизию СС «Викинг», мотодивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 9-ю панцердивизию. Пройдет еще совсем немного времени – и на железнодорожных путях воцарится настоящий ад на земле, а из тридцати тысяч немецких солдат и офицеров, битком забивших станцию, в живых в итоге останется не больше двух тысяч, и почти все они до конца жизни будут калеками.

* * *

Тогда же, Брянская область, Унечский район, окрестности поселка Красновичи

Разумеется, Коростеньский узел третировали не диверсанты и не бомбардировщики советских ВВС, а входящая в состав российской экспедиционной группы войск 112-я бригада оперативно-тактических ракет «Искандер-М», расположенная на позициях прямо у портала в Красновичах. Первые два выстрела, произведенные день назад, ставили целью создать затор и стимулировать накопление на железнодорожной станции эшелонов с немецкими войсками. К полному двойному залпу бригады в сорок восемь ракет эти два пуска не имели отношения, потому что одна ТЗМ, отдав свои ракеты на пусковую установку, обернулась обратно в 2018 год, где подзарядилась до штатного боекомплекта, благо время позволяло.

Во втором залпе, в котором участвовали три машины, из шести ракет пять несли моноблочные фугасные заряды, предназначенные для разрушения мостов, а шестая кассету с тремя складными беспилотниками, которые были отпущены в свободный полет на высоте двух километров и были способны самостоятельно продержаться в воздухе около полутора часов. Получив подтверждение, что в ловушке Коростеньского железнодорожного узла находится большое количество вражеских войск и техники, командование экспедиционной группы войск отдало приказ на проведение завершающей фазы операции «Крысолов».

На огневые позиции поступил соответствующий приказ, и почти одновременно на столбах огня и белого дыма в небо ушли первые восемнадцать ракет – сначала девять, а минуту спустя еще девять. Это будоражащее кровь зрелище можно было наблюдать с довольно большого расстояния – так, например, пуск ракет видели бойцы и командиры свежей стрелковой дивизии, перебрасываемой

к Гомелю по железной дороге от Брянска. Товарищи военные чуть шеи не повыворачивали, наблюдая стремительный взлет превращающихся в сияющие точки ракет.

Эти ракеты были начинены термобарическими кассетными элементами и вызвали на станциях Коростень-Подольский и Коростень-Житомирский просто ужасные разрушения и человеческие жертвы, потому что эти станции Коростеньского узла, находящиеся на главной оси перевозок, были забиты не только эшелонами с солдатами и техникой, но еще и с топливом с боеприпасами, ибо снабжение группы армий «Центр» не было рассчитано на первую танковую группу и все необходимое она везла с собой. Естественно, что срабатывание кассетных термобарических боеголовок «Искандер» вызвало детонацию всего этого богатства и воспламенение бензина, вылившегося из разрушенных цистерн. В эпицентре этого рукотворного ада рельсы плавились как восковые, а кирпичи оплывали стеклянистой зеленоватой массой.

Полчаса спустя такой же удар обрушился на станции Коростень, Пост-Южный, Сады и Чигири, на которых в основном отстаивались эшелоны с пехотой. Вот там-то и было какое-то количество выживших, потому что некоторые из солдат отлучились либо в самоход, либо по поручениям господ офицеров. В любом случае все эти счастливчики еще будут вынуждены объяснять в ГФП, как так получилось, что они выжили, а их кригскамрады погибли.

* * *

26 августа 1941 года. 18:15. Окрестности Могилева. Штаб группы армий «Центр»

Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок

Обстановка на фронте опять осложнилась до крайности. Усиленный 13-й армейский корпус, пять пехотных дивизий вместо обычных трех – все, что осталось от 2-й армии после разгрома 43-го АК – оказался отрезан большевиками и «марсианами» в котле южнее Гомеля. И сейчас эти отрезанные дивизии в отчаянных маневренных боях пытаются найти выход из этой ловушки, а панцеркампфгруппы «марсиан» решительными ударами отсекают эти тонкие пальцы, ищущие пути к спасению. При этом по каналам агентурной разведки абверу достоверно стало известно, что к Гомелю по железной дороге перебрасываются все новые и новые свежие стрелковые дивизии большевиков.

Пройдет еще немного времени – и через них не сумеют пробиться не только пехотные, но и моторизованные соединения. Пожалуй, пришло время признать, что потрепыхаться, отвлекая на себя внимание и резервы, эти войска еще могут, а вот вырваться из ловушки уже нет.

И дело тут не только в «марсианах». Видна твердая и тяжелая рука недавно назначенного нового командующего фронтом генерала Жукова. И хоть за этим достаточно молодым генералом была всего лишь одна успешная маневренная операция против японцев у Номонкана[5 - Инцидент у Номонкана – японское название сражения у реки Халкин-Гол и горы Баин-Цаган.], было видно, что герр Жуков полон решимости доказать, что тот успех был не случаен и германскую армию с его стороны теперь ждут большие неприятности. Но как бы то ни было, требовалось латать дыру, образовавшуюся после поражения 2-й армии. Как только Жуков закончит кромсать и давить остатки несчастного 13-го армейского корпуса, он немедленно развернет свои подвижные части на север, стремясь подрезать коммуникации всей группы армий «Центр», и противопоставить этому ударному кулаку было нечего, разве что начать снимать силы с главного, Московского направления. Но делать это фон Боку боязно. В последнее время большевики там перестали колотиться растопыренными пальцами в кирпичную стену[6 - Резервы с Западного и присоединяемого к нему Резервного фронта, частью передислоцируются на действительно опасные направления, а частью перебрасываются Жукову с целью создания ударных группировок на основе соединений потомков и войск 13-й и 21-й армий. Но фон Бок об этом, разумеется, не знает.], и теперь следовало ожидать ударов плотно сжатыми кулаками.

А взять войска для латания дыры хоть откуда-нибудь требовалось срочно. Дело в том, что перебрасываемый с юга 14-й моторизованный корпус, на скорейшее прибытие которого в качестве экстренного подкрепления командование группы армий «Центр» рассчитывало совсем недавно, после удара неизвестным оружием «марсиан» почти в полном составе сгорел на станции Коростень. Фон Бок мог только возблагодарить Всевышнего, что это прискорбное событие произошло не в его зоне ответственности и что отдуваться теперь придется несчастному фон Рундштедту, а не ему.

А как же иначе, ведь в состав 14-го мотокорпуса входили любимые соединения фюрера: панцердивизия СС «Викинг» и лейбштандарт «Адольф Гитлер», поэтому гнев вождя германской нации оказался страшен. Во-первых – расследовать эту историю в штаб группы армий «Юг» в Житомире вылетел лично Генрих Гиммлер, и было понятно, что в ходе этого визита головы «виновных» покатятся градом.

Во-вторых – город Коростень было приказано стереть с лица земли вместе с людьми, собаками и кошками. И даже страшно подумать, как на это отреагируют «марсиане». Предположительное наличие в их арсенале оружия дальнего действия (в сотни и тысячи километров), способного одним выстрелом сметать с лица земли целые города, наводили на невеселые мысли. Ответ «марсиан» на уничтожение одного из русских городов мог оказаться таким ужасным, что даже страшно было подумать.

Кроме всего прочего, рокадная дорога, пострадавшая во время удара неизвестным оружием по Коростеню, будет непригодна для движения от недели до десяти дней, и затея фюрера с уничтожением города еще больше увеличит этот срок. Из-за этого теперь резервы с южного направления будут поступать кружным путем, по рокаде, проходящей на сто пятьдесят километров дальше к западу через Ровно-Сарны-Барановичи, а если неизвестное оружие дотянется и туда, то придется возить войска через Польшу.

Фельдмаршал фон Бок подумал, что произошло самое худшее, и чего в первую очередь так опасался Быстроходный Гейнц. Большевики, сумев договориться с «марсианами», слились с ними в единую до неразличимости военную силу. По крайней мере, так дело обстоит на южном фасе Смоленского выступа, где в жарком огне маневренного сражения дотла сгорают последние резервы группы армий «Центр». Единственное счастье немецких войск заключалось в том, что «марсиане» пока не сумели перебросить из будущего свою ужасающую авиацию, а их винтокрылые боевые каракатицы не залетают вглубь немецкой территории далее двух-трех десятков километров. Но как раз в этой прифронтовой полосе расположены позиции артиллерии, а также дивизионные, корпусные и армейские штабы, которые эти винтокрылы третируют с особым азартом. Одна ли две пары таких аппаратов внезапно появляются поблизости от позиций немецкой артиллерии или места дислокации штабов. Потом следует пуск реактивных снарядов с дальней дистанции, поле чего, не дожидаясь, пока немецкие зенитчики развернут свои флакки и фирлинги, винтокрылые налетчики скрываются с глаз, чтобы чуть позже атаковать с другого направления. Часто после таких вот внезапных визитов на немецкие позиции обрушивается частый и плотный артиллерийский огонь[7 - 288-я артиллерийская Варшавская Бранденбургская Краснознамённая, орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды бригада, входящая в состав экспедиционной группы войск имеет на вооружение установки РСЗО «Ураган», стреляющие 220-мм реактивными снарядами на расстояние до 35 километров.].

При этом «эксперты[8 - «Эксперт» – летчик-истребитель люфтваффе.]» люфтваффе опасаются приближаться к этим винтокрылым машинам, потому что они чрезвычайно маневренны, буквально способны крутиться вокруг собственного хвоста и при этом метко отстреливаться от атакующих истребителей из поворотной носовой пушки и с помощью самоприцеливающихся противосамолетных ракет. Сбить или хотя бы подбить такой винтокрыл «эксперту» крайне тяжело (прецедентов еще не было), а вот свернуть свою шею весьма просто (прецедентов хоть отбавляй).

В любом случае, дыру во фронте требуется хоть чем-то латать, поэтому 3-я танковая группа генерала Гота спешно развернута на юг и спешит к Гомелю, из 9-й и 4-й армий изымаются сводные капфгруппы и целые дивизии, которые тоже направляются на угрожаемые направления. Теперь уже не большевистское, а германское командование бросает войска в топку войны чуть ли не побатальонно, лишь бы любой ценой сорвать вражеский замысел и не дать свершиться самому худшему.

Ведь стоит только обойти стол по кругу и встать с другой стороны карты (там, где сейчас, ухмыляясь, стоят бестелесные призраки его оппонента генерала Жукова и безвестного пока командующего «марсиан»), как сразу обозначаются направления ударов двумя подвижными группировками. Первая подвижная кампфгруппа нанесет удар из района Унеча-Сураж на Кричев-Мстиславль, подрезая 4-ю армию и ставя на грань катастрофы весь правый фланг группы армий «Центр». Вторая из района Гомеля ударит на Могилев, перехватывая транспортные коммуникации и подготавливая последний удар, который поставит группу армий «Центр» на грань катастрофы и, заставляя его, фон Бока, отвести войска за Днепр, что фактически будет означать переход войны к позиционной фазе и ее проигрыш Германией. Как это бывает, все хорошо помнят по прошлой Великой Войне. Германия не в состоянии вести войну на истощение ресурсов сразу со всеми англосаксами, большевиками, да еще никому неведомыми «марсианами». Так что замысел противника требуется сорвать любой ценой, и поэтому к месту грядущих событий спешат германские танки и пехота. Неважно, сколько их погибнет во время встречных уларов. Важно то, что замысел «марсиан» и большевиков будет сорван и группе армий «Центр» удастся удержать достигнутые рубежи, с которых уже возможно наступление на Москву.

Жаль, конечно, погибшего в Коростене 14-го мотокорпуса. В ударе плотно сжатыми кулаками по «марсианам» и их большевистским прихвостням этого

соединения будет очень не хватать. Но это и урок того, что даже на значительном удалении от линии фронта слишком плотная концентрация войск, представляющих собой единую цель, становится уязвимой для ударов неведомым дальнобойным оружием «марсиан». И никому не известно, какого страшного джокера они могут вытащить из рукава в следующий раз, а также, какая часть немецкого населения останется в живых после этой страшной войны, которая началась в Испании с руин Герники, но в самом деле может закончиться развалинами Берлина.

Или, в самом деле, если Германии в этой войне все равно суждено потерпеть поражение, то не послать ли к черту этого ефрейтора и попробовать рассмотреть иные альтернативы?

* * *

26 августа 1941 года, 23:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Сталин сидел за своим столом и перебирал фотографии, сделанные беспилотниками во время ракетного удара по железнодорожным станциям Коростеня, забитых эшелонами с немецкой техникой, войсками и боеприпасами. Операция «Крысолов», которую потомки провели при полном согласовании со штабом РККА, завершилась полным успехом. Во время передислокации по рокадной железной дороге оказались уничтожены три сотни вражеских танков, около тридцати тысяч солдат и офицеров, а также большое количество горюче-смазочных материалов. И к такому эффекту привели всего два залпа оперативно-тактической гвардейской ракетной бригады.

И в то же время Верховный понимал, что будь на ракетах специальные, так называемые ядерные, боеголовки, то вместо пятидесяти ракетных пусков потребовалось бы всего пять-шесть. Два – обычными фугасными зарядами, чтобы разрушить мосты и остановить движение, один – для доставки корректирующих беспилотников, и еще два-три ядерными зарядами, чтобы стопроцентно поразить скопления вражеской живой силы и техники. Правда, в таком случае полностью был бы уничтожен и советский город Коростень, с огромным количеством жертв среди мирного гражданского населения. Нет, на такое Вождь мог пойти только в самом крайнем случае, когда такая операция спасала бы огромное множество других советских людей. Да и потомки тоже не

торопились нести в этот мир такое ужасное оружие, только проинформировав о его наличии.

Но, как бы то ни было, уже завтра торжествующий голос Левитана поведает эту весть стране и миру, особенно подчеркнув тот факт, что большинство уничтоженных вражеских солдат являлись членами преступной организации ваффен-СС, ответственной за множество преступлений против человечества. Более того, во всех кинотеатрах СССР будет показан короткометражный документальный фильм об этом событии, который составной частью будет включен в очередной военный выпуск Союзкиножурнала.

Отложив фотографии, Сталин встал и прошелся по кабинету. Вместе с положительным эффектом от вмешательства потомков в войну, выразившимся в прекращении вражеского наступления и стабилизации положения на фронтах, нарастали явления, которые Вождь хотел бы оттянуть как минимум до конца войны. В первую очередь, тревогу вызывало недовольство некоторой ортодоксальной группы лиц в руководстве партии тем положением дел, какое сложилось в отношениях с потомками. Этих борцов с диктатурой кровавого царского режима за живое царапали российский триколор и двуглавый орел, и возмущало то, что Сталин от имени СССР обязался не вести агитации против российских властей, направленной на свержение буржуазного строя и торжество социалистической революции.

Ворошилов, Маленков, Каганович, Хрущев и множество персон поменьше злобно шипели по углам, осуждая заключенный с потомками договор. Правда, Ворошилов, единственный из этой компании, на правах старого боевого товарища, попробовал переговорить на эту тему с ним, со Сталиным, открытым текстом. Выслушав Первого Красного Маршала, Верховный задал ему только один, но очень важный вопрос:

– Клим, ты дурак?

В ответ Ворошилов лишь смущенно кашлянул и спросил:

– А чего я такого сказал? Ведь все строго же по товарищам Ленину и Марксу?

– А ты знаешь, – спросил вождь, – что коммунистов там, в две тысячи восемнадцатом году, никто не преследует? А ты знаешь, что наши с тобой

идейные последователи, руководители Коммунистической Партии Советского Союза, сами сдали доверенную им народом власть в руки так называемых демократов, чтобы тут же обернуться банкирами и капиталистами, растерзав на куски в свою пользу всенародно созданную собственность, в первую очередь заводы и фабрики. А ты знаешь, что наши идеалы там были брошены в грязь и провалялись в ней больше четверти века? А ты знаешь, что так называемой коммунистической партией Российской Федерации руководит человек, которому мы с тобой не доверили бы и райком в сельской местности? А ты знаешь, что, несмотря на деятельность так называемого товарища Зюганова, авторитет СССР и лично товарища Сталина находится на недосягаемой высоте, и что военкоматы ломятся от желающих отправиться воевать за СССР? А ты знаешь, что человек, который подговорил тебя, простодушного, прийти ко мне и наговорить всякой ерунды, там, в будущем, успешно спланировал и провел антисоветский переворот с целью захвата личной власти, который стал началом конца всего, за что мы с тобой боролись? Не знаешь? Ничего ты, Клим, оказывается, не знаешь, а берешься меня судить! Хочешь, я отправлю тебя туда, в две тысячи восемнадцатый год, специальным представителем коммунистической партии и советского правительства? Не хочешь? И правильно делаешь, потому что со своим простодушием ты там только наломаешь дров!

Смущенный и задумавшийся Ворошилов тогда ушел, а Верховный подумал, правильным ли путем идет советская власть и он, товарищ Сталин, лично. Какую такую ценность из себя представляют соратники и пособники Клоуна, чтобы, как и в прошлый раз, отдать им на откуп будущее страны, как это было сделано в прошлом потомков, или все же предпринять экстренные меры для того, чтобы пресечь это безобразие на самом его зародыше. Такая ортодоксальность, какую проявила эта «группа товарищей», уже напрямую граничит с троцкизмом. Лаврентий, конечно, держит руку на пульсе, но и пускать партийные дела на самотек тоже не стоит. Если уже начались закулисные разговоры, то тут недалеко и до беды. Но, с другой стороны, затевать новый тридцать седьмой год, когда враг стоит в трехстах километрах от Кремля – не самое умное решение. Да и потомки такую компанию в разгар войны воспримут крайне негативно. В таком случае остается только одно. Брать фигурантов по одному, давать назначения на окраины с понижением, подальше от посторонних глаз, и расправляться с ними уже там. Тимошенко командовать ТуркВО уже уехал. Следующий на очереди Клоун, которого тоже было бы неплохо запихнуть куда-нибудь поглубже. И повод для этого есть. По вине командования Юго-Западного и Южного фронтов под Уманью в окружение попали 6-я и 12-я советские армии, а также 2-й механизированный корпус. Сто десять тысяч пленных и двадцать тысяч погибших. Избежать окружения или суметь выйти из него сумели

максимум пятнадцать тысяч бойцов и командиров. В итоге между Юго-Западным и Южным фронтами образовался разрыв фактически от Киева и до Николаева, сейчас экстренно латаемый за счет подтягиваемых из глубины недавно сформированных дивизий и остатков войск внутренних округов.

В первую очередь за такой исход следует дать по шапке Тюленеву и Кирпоносу – за то, что не смогли решить, в какую сторону лучше отступать советским армиям, оказавшимся под угрозой окружения, а в итоге полностью утратили управление войсками и контроль за ситуацией. Но это не к спеху, потому что если Тюленева можно заменить Малиновским, то адекватной замены Кирпоносу пока не просматривается. Менять Жукова на Рокоссовского на Брянском фронте можно будет не раньше, чем полностью завершится Смоленская операция.

Но в любом случае стоит вызвать к себе Никитку и спросить: «А ты куда смотрел, паскуда?» – и мордой, мордой по столу. Без этого мотивировать понижение никак не получится. Но никаких шпионских скандалов и измен. Дело должно быть представлено так, что вся эта трагедия случилась исключительно по глупости и недалекости ума. Только таким образом можно будет снять Никитку только с должности Члена Военного Совета Юго-Западного фронта. Ведь Киев все еще в наших руках, и отдавать его немцам на этот раз мы не собираемся, а значит, снять Клоуна с должности первого секретаря КПУ так просто не получится. А может быть, и в самом деле попросить Лаврентия организовать Никитке сердечный приступ, авиакатастрофу или пулю немецкого снайпера во время выезда на фронт, после чего чин по чину упокоить это дело на дне самых тайных архивов? Нет человека – нет проблемы. Можно, конечно, обратиться и к потомкам, но это только в крайнем случае. Слушком уж они щепетильные, привыкли делать политику в белых перчатках, так что такой просьбы могут и не понять, а у Лаврентия к Никитке есть свой личный мотив.

Что касается остальной кодлы, то всех можно распихать туда, куда Макар телят не гонял. Того же Клима, бесполезного на фронте, послать нашим представителем к китайским коммунистам, пусть там проследит, чтобы товарищ Мао так и не стал главным в Китае; Маленкова отправить в Казахскую ССР, пусть поднимает сельское хозяйство; а Кагановича специальным представителем советского правительства в США, агитировать за советско-американскую дружбу. И, самое главное, готовить кооптацию в ЦК – надежных молодых товарищей, которые не изменят ни при каких условиях и будут работать не за страх, а за совесть. Ведь, в конце концов, будущее СССР – это самый важный вопрос, прямо вытекающий из исхода войны, но не зависящий от него на все сто

процентов. Ведь мир можно полностью просрать уже после блистательной победы, при этом бесполезными окажутся миллионы бойцов и командиров, тысячи танков и самолетов и десятки тысяч артиллерийских орудий. У потомков уже такое было, и не зря же они говорят, что рыба гниет с головы. Кстати, судя по словам Клима, Хрущев сейчас в Москве. А раз он в Москве, то исключительно для того, чтобы готовить вместе со своими подельниками заговор. Вследствие этого и дело с ним должно быть сделано без промедления. Надо только позвонить Лаврентию и сказать, что планы меняются, и песенка Клоуна спета.

* * *

27 августа 1941 года, 05:30. Окрестности Могилева, населенный пункт Мостки, передовая часть передислоцирующейся к Гомелю 3-й панцергруппы генерала Гота

Только-только брезжит на востоке полоска зари. Спят еще города и села к востоку от линии фронта, спят люди на оккупированной территории, спят на своих аэродромах эксперты люфтваффе…

Однако не спят солдаты и офицеры германской третьей танковой группы, в настоящий момент экстренно перебрасываемой в район Гомеля. Предпочитая совершать танковые марши по холодку, генерал Гот поднял своих мальчиков задолго до рассвета, чтобы, выступив с первыми лучами солнца, они уже к полудню, когда начинается настоящая жара, смогли закончить свой суточный марш в сто двадцать километров – ведь именно столько могли пройти на одной заправке при движении по плохим русским дорогам новейшие панцеры T-IV.

Иначе при движении в самое жаркое время в радиаторах танковых двигателей просто закипает вода, к тому же после каждого такого марша механикам-водителям панцеров и водителям грузовиков требуется с особым тщанием чистить воздушные фильтры от набившейся пыли. Эти «четверки», из-за которых танковая группа генерала Гота двигалась так медленно, представляли собой ее основную ударную силу, потому что больше половины состава ее танковых полков составляли слабо вооруженные и плохо бронированные чешские танки LT-38.

Даже сами немцы признавали, что это убогое изделие чешского панцерпрома на Восточном фронте годилось к применению только там, где не ожидалась

встреча с новыми русскими танками Т-34 и КВ. А если по-хорошему, то применять их было желательно только там, где основным противником немецких танкистов мог стать только русский Иван с трехлинейной винтовкой, ибо этому недопанцеру была страшна даже русская «сорокопятка» с ее бракованными бронебойными снарядами.

По словам знаменитого немецкого танкиста Отто Кариуса:

«Мы проклинали хрупкую и невязкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд.»

Одним словом, то, что третью танковую группу, в которой нормальных «четверок» едва хватало на комплектование одного танкового полка, бросили под Гомель против ударной группировки «марсиан», говорило только о той глубине отчаяния, в которую впало немецкое командование после окружения основных сил 2-й армии. А быть может, причина такого решения немецких генералов в том, что в состав третьей танковой группы помимо танков входили моторизованные пехотные полки общей численностью в семьдесят тысяч солдат и офицеров, которых можно было быстро перебросить по рокадной дороге Невель-Орша-Могилев-Гомель для затыкания дыры, зияющей в германском фронте.

Но даже двойная колонна (когда движение по шоссе идет по обеим сторонам в одном направлении) растягивалась на марше на семьдесят-восемьдесят километров. То есть головные подразделения 12-й танковой дивизии 57-го моторизованного корпуса уже подходили к Могилеву, а замыкающие части 20-й моторизованной дивизии, 39-го моторизованного корпуса были еще за Оршей. Уже несколько раз (правда, пока без особого эффекта) колонны танков и грузовиков бомбила советская авиация. Устаревшие советские бомбардировщики с большой высоты сбрасывали на колонны пятидесяти– и стокилограммовые фугасные бомбы, а потом торопились удрать, пока их не перехватили «эксперты» люфтваффе.

При этом основной целью советских бомбардировщиков являлись почти неуязвимые для бомбового удара панцеры, для своего поражения требующие прямых попаданий, а не гораздо более легкая цель в виде колонн грузовиков моторизованной пехоты и артиллерийских тягачей. Такова была установка

советского командования, не понимавшего, что танки без мотопехоты, артиллерии и колонн снабжения теряют значительную часть своей пробивной мощи и с упорством, достойным лучшего применения, колотило полками дальнебомбардировочной авиации именно по танковым колоннам.

Но генерал Гот думал сейчас не о сталинских соколах, время от времени высыпающих бомбовый груз на колонны его панцеров. Потери от этих налетов были весьма терпимыми, а «эксперты» люфтваффе брали свою дань кровью с дерзких Иванов. Он с тревогой думал о том, что это сейчас его Третья Панцергруппа является грозной силой, способной сокрушить любую большевистскую оборону, но никто не знает, что с ней станет в тот момент, когда она войдет в зону ответственности «марсиан», уже доказавших, что они могут терзать насмерть и более мощные моторизованные соединения. У Гудериана во Второй Панцергруппе в составе трех (а не двух, как у него, Гота) моторизованных корпусов нет ни одного чешского танка, а одни только крепколобые и надежные германские «тройки» и «четверки», а все равно при столкновении с «марсианами» один моторизованный корпус был почти полностью уничтожен, а два других понесли тяжелые потери, не выполнив поставленной задачи.

Но в любом случае, следуя поступившему от верховного командования приказу, Третья Панцергруппа с рассветом построится в колонны и двинется дальше на юг, навстречу громыхающей огнем Сцилле и Харибде фронта под Гомелем и своей неминуемой смертной судьбе.

* * *

27 августа 1941 года, 05:35. Брянская область, Унечский район, полевой аэродром окрестности поселка Красновичи, 266-й ШАП ВКС РФ

Еще в этот ранний час не спят пилоты и технические специалисты 266-го штурмового авиаполка воздушно-космических сил Российской Федерации. Этот полк был переброшен в Брянскую область из-под Читы всего два дня назад, а вчера вечером пилоты, технические специалисты и материальная часть были введены в сорок первый год и дислоцированы на припортальном полевом аэродроме. К тому моменту аэродром у Красновичей был оборудован ВПП с временным сетчатым покрытием и кроме 266-го ШАПа на нем базировались эскадрилья штурмовиков из Липецкого центра боевого применения, а также

несколько эскадрилий ударных и транспортных вертолетов.

Итак, только вчера российские штурмовики прибыли на прифронтовой аэродром Великой Отечественной, а уже сегодня утром им предстояло первое боевое крещение. Главной целью запланированного штурмового авиаудара должны были стать колонны танков, артиллерии и мотопехоты той самой Третьей Панцергуппы генерала Гота. В первую очередь командующий экспедиционной группы российских войск поставил штурмовикам задачу уничтожать не танки, а именно живую силу противника и средства ее доставки (грузовики).

Две российские дивизии, уже находящиеся в районе Гомеля, с легкостью перестреляют все «ролики» Гота, так что тот и икнуть не успеет. Проверено в бою с ворвавшейся в 2018 год 3-й танковой дивизией. Немецкая артиллерия, уступающая российской в дальнобойности (почти в два раза) и в средствах артиллерийской разведки, при серьезном подходе к контрбатарейной борьбе тоже не представляет большой угрозы. Проверено при обороне Суражского направления 144-й мсд. Там немецкие артиллеристы стараются без нужды лишний раз рот не открывать, ибо знают, что ответ будет почти мгновенный, весомый и прилетит с недосягаемого для них расстояния. А вот немецкая мотопехота – это совсем другое дело, даже при отсутствии танков и артиллерийской поддержки немецкие солдаты сорок первого года дерутся упорно, до полного истребления, а потому хоронить их желательно подальше от фронта.

Именно поэтому под пилоны «сушек» 266-го ШАПа подвесили блоки НАР с ракетами С-8, по сто шестьдесят реактивных снарядов на машину – каждый штурмовик, как летающая батарея капитана Флерова; а штурмовики эскадрильи Липецкого центра боевого применения оснастили стрелково-пушечными контейнерами, частью с двуствольными пушками ГШ-23, частью со скорострельными пулеметами крупного и винтовочного калибра. Привет немецким зольдатенам, которые сегодня попадут под этот бодрящий свинцовый душ.

И вот первый луч солнца брызнул из-за горизонта, окрасив все вокруг в алые тона, такие же, как и на вновь врученном полку перед прибытием в сорок первый год боевом красном знамени 266-го Краснознаменного авиационного истребительного полка. Командир полка, гвардии подполковник Андреев, зачитал своим подчиненным боевой приказ на первый боевой вылет. Прозвучала команда «по местам», пилоты во главе со своим командиром разбежались по

своим машинам, раздался оглушительный свист турбин – и вот ровно в шесть утра по Москве первые штурмовики пошли на взлет под лучами восходящего на востоке солнца. А от аэродрома в Красновичах до точки перехвата головной колонны разведбата 12-й танковой дивизии всего сто семьдесят три километра или четверть часа лета штурмовику Су-25 на крейсерской скорости в семьсот пятьдесят километров. При этом за этой боевой машиной будет не в состоянии угнаться ни один немецкий истребитель, ибо максимальная скорость сто девятых мессершмиттов на двести километров в час меньше.

Построившись в ударную формацию, ушла к цели первая эскадрилья 266-го полка. За ней пошла на взлет вторая эскадрилья, а уже за ней готовилась к вылету эскадрилья из Липецкого центра, готовая причесать свинцовым ливнем то, что останется после первого удара НАРами, от следующих на грузовиках двух моторизованных стрелковых полков вермахта, назначенных целью первого удара. Эти немцы только что сожрали свой плотный завтрак из вареного картофеля с мясом, сложили остаток в котелки и, сыто рыгнув, расселись по машинам, которые при первых лучах солнца тронулись в путь. Они еще дышали, пердели, дожевывали свой хлеб со свиным смальцем, жаловались приятелям на «колотье в боку» от тяжелой жирной пищи – и при этом большая их часть должна была умереть в течение нескольких ближайших минут. Так уж получилось, что именно после этого первого для себя налета Су-25 заработал у немецких солдат «почетное» прозвище "Адский Потрошитель" (H?lle Ripper), с которым и проходил весь остаток войны до самой Победы. Но давайте по порядку.

Стремителен бреющий полет краснозвездных бронированных штурмовиков, маршрут которых проложен над лесисто-болотистой местностью с редкими деревеньками, в которые, наверное, никогда не заглядывали даже монгольские баскаки. И лишь только седой дед, казалось, помнящий еще княгиню Ольгу и князя Игоря Старого, проводит взглядом промелькнувшие над головой боевые машины, и, перекрестившись, от греха подальше, скроется во вросшей в землю по самую крышу древней хате.

На немецкую почти бесконечную колонну, где минимальный интервал отделял одну часть от другой, развернувшиеся строем фронта «сушки» вышли ровнехонько со стороны восходящего солнца. Мгновение – и из-под крыльев штурмовиков, оставляя за собой дымные следы, брызнули вперед к дороге первые НАРы. Еще несколько мгновений, которые потребовались первым ракетам, чтобы преодолеть два километра – и на дороге и вокруг нее воцаряется

огненная сарабанда разрывов. Часть ракет имеет боевые части фугасного действия, снаряженные объемно-детонирующей смесью, часть несут в себе каждая по две тысячи оперенных игл из сверхтвердого пластика, не обнаруживаемого рада… ой, простите, рентгеном. Но в данном случае это без разницы. Привет немецким хирургам, которые, как и в девятнадцатом веке, будут ковыряться в тушках немецких солдат и офицеров, на ощупь пытаясь извлечь проникшие туда русские гостинцы. Это, разумеется, в том случае, если данный военнослужащий вермахта налет переживет и попадет на операционный стол к хирургу, а не к прозектору, который будет потрошить уже мертвое мясо.

Выпустив примерно половину ракет и не входя в зону действия немецких двухсантиметровых автоматических зениток, штурмовики заложили крутой левый разворот, который выведет их на рубеж следующей атаки. В это время правее (севернее) этого места, на только начавшие останавливаться автомашины вышла в атаку вторая эскадрилья, отработавшая НАРами по противнику, который уже понял, что его убивают, но еще не начал сопротивляться… Тем временем первая эскадрилья закончила разворот и обрушилась на следующий (еще более северный) участок дороги, где немецкие зольдатены (как тараканы, разбегающиеся из-под тапка) уже спрыгивали с остановившихся машин и стремились залечь в любом удобном месте. Вон там было первое сопротивление; правда, давший короткую пристрелочную очередь флакк почти сразу же попал под накрытие, заткнулся и больше никак себя не проявлял.

Потом во вторую атаку дошла вторая эскадрилья и тоже чего-то там покрошила – скорее, остановившиеся на шоссе грузовики, чем попрятавшуюся по кюветам и канавам вражескую живую силу. Правда, раненых в этом случае все же было немало, и раненых в такое место, которое при попытке укрыться в неглубокой канаве хочешь не хочешь останется торчать над поверхностью. Я, если что, не про голову. Она у немецких солдат сплошная кость, как бильярдный шар, и к тому же в каске, а потому пластиковыми иглами и мелкими осколками не пробивается. Я про альтернативную часть тела, расположенную на противоположном конце туловища. И вроде ранение совершенно нетяжелое, а вот сесть немецкому солдату, пока не заживет вообще невозможно – если только вообще заживет…

И в довершении сей концертной программы уже вдоль дороги промчалась эскадрилья из Липецкого центра и причесала все, что уцелело и всех, кто выжил

из стрелково-пушечных подкрыльевых установок. После этого российские штурмовики улетели, но обещали вернуться, потому что очень короткое подлетное время позволяло им сделать еще несколько подходов к растянувшейся вдоль дороги бесконечной колбасе под названием Третья Танковая Группа.

* * *

27 августа 1941 года, 11:30. Окрестности Могилева, населенный пункт Мирный, командующий Третьей панцергруппой генерал Герман Гот

«Потрошители» «марсиан» возвращались к колоннам Третьей танковой группы еще не раз и не два, каждый раз оставляя за собой горы трупов и десятки единиц сгоревшей и подбитой техники. Генерал Гот лично насчитал пять налетов с интервалом примерно час с четвертью. При этом они, за редким исключением, не трогали колонны панцеров и броневиков, а все свое злобное внимание обращали исключительно на грузовики, перевозящие пехоту и припасы третьей танковой группы. И вот теперь примерно десять-пятнадцать километров дороги, заставленные сгоревшими и разбитыми грузовиками и усыпанные телами погибших немецких солдат, стали неодолимым препятствием. Южнее этого места пока сумели прорваться только разведбат 12-й танковой дивизии, отдельные подразделения 29-го панцерполка и одна батарея 105-мм гаубиц 2-го моторизованного артполка, а все остальные остались здесь, на этом смертном куске дороги, где горелое железо перемешано с человеческими останками, а небо затянуто черным коптящим дымом от горящих грузовиков и тягачей. К настоящему моменту потери 57-го моторизованного корпуса в живой силе составили до трех тысяч человек убитыми, в основном за счет первых налетов, когда «Потрошителям» удавалось застичь немецкую пехоту в кузовах грузовиков, и почти десяти тысяч ранеными. Потеряны около четырех сотен грузовиков, подбиты и получили повреждения сто сорок восемь панцеров. Да, «марсиане» нарушили свое правило и атаковали колонну техники 27-го панцерполка. Скорее всего, это было сделано для создания еще большего хаоса и заторов на дороге, ведь одно дело растаскивать преградившие путь сгоревшие грузовики, а совсем другое – когда дорога запружена подбитыми панцерами. При этом еще дополнительно разбиты и получили повреждения одиннадцать гаубиц калибра сто пять миллиметров и двенадцать полугусеничных тягачей. Танковая группа еще не вступила в сражение, а ее состав уже уменьшился почти на целую панцердивизию.

В результате уже после четвертого по счету налета генерал Гот отдал подчиненным ему частям и соединениям приказ прекратить марш и укрыться в ближайших лесных массивах. После этого он, позвонив командующему второго воздушного флота фельдмаршалу авиации Кессельгингу, от души выматерил коллегу из люфтваффе и потребовал от него нормального истребительного прикрытия, а иначе он будет жаловаться в ОКХ, штаб-квартиру фюрера, да самому Господу Богу.

– Последнее скорее всего… – буркнул Кессельринг, вешая трубку.

«Эксперты» люфтваффе все-таки прилетели, успев к шапочному разбору в конце пятого налета, и тут выяснилось, что по прямой «Потрошитель» уходит от «Фридриха», делая ручкой как от стоячего. Более того, «Фридрих» не может догнать его даже на пикировании в своей коронной атаке сверху-сзади, а от идеи атаковать со стороны передней полусферы асы люфтваффе отказались после первой же попытки. Затея была самоубийственной, потому что «Потрошители», оказавшись с «экспертами» на встречном курсе, тут же начали запускать самонаводящиеся противосамолетные ракеты, уйти от которых оказалось практически невозможно. Гибель целого истребительного звена послужила уроком всем остальным, и больше немецкие летчики никогда так не делали. Дальнейшие их действия напоминали договорной матч, когда «Потрошители» почти беспрепятственно осуществляли штурмовку, а люфтваффе только имитировало бурную деятельность по их перехвату и преследованию.

В результате переброска Третьей Танковой Группы к Гомелю была фактически сорвана, уцелевшие части и соединения отстаивались в лесах севернее Могилева. Возобновить движение в таких условиях генерал Гот планировал не раньше, чем с наступлением темноты, с горечью отметив, что настало время, когда уже немецким войскам требуется прятаться по лесам от вражеской авиации.

* * *

27 августа 1941 года. 15:35. Брянская область, райцентр Сураж.

Патриотическая журналистка Марина Андреевна Максимова, внештатный корреспондент «Красной Звезды»

Ура! К нам приехал сам Константин Симонов и меня закрепили за ним кем-то вроде гида. Между прочим, для того, чтобы Симонов смог побывать в нашей экспедиционной группе войск, его сначала подводной лодкой вывезли из осажденной Одессы в Севастополь, откуда уже на самолете с несколькими посадками доставили в Брянск, и уже из Брянска на машине к нам.

Я с негодованием подумала: «Такой человек несколько часов трясся по местным дорогам в тесной и неудобной «эмке» только потому, что никто не догадался дать его борту посадку в Красновичах. Идиоты – и только!»

И лишь полчаса спустя после приезда Симонова из розданных на брифинге дневных «информашек» я узнала, что сегодняшним утром Красновичи не принимали никаких посторонних бортов, потому что с рассвета и до полудня базирующиеся там штурмовики наносили удары по перемещающимся по рокадным дорогам гитлеровским танкам и мотопехоте. Константин Симонов тоже присутствовал на этом брифинге. Я видела, как он, не веря своим глазам, вертел в руках выданную ему «информашку» с кратким перечнем за истекшие сутки всех мало-мальски заметных боестолкновений, авиа, ракетных и артиллерийских ударов, а также прочих событий, вроде захвата разведывательно-диверсионной группы из полка Бранденбург-800. И я видела, что для него все это крайне дико и невероятно.

Местные генералы в своем большинстве не только линию фронта, но и свою задницу двумя руками найти не могут, генерал Жуков – это редкое исключение; какие уж там офицеры, то есть командиры, по связям с прессой. Вот и работает пропагандистская машина только за счет таких энтузиастов, как Симонов, который сам лезет в пекло и привозит оттуда репортажи, которые потом потрясают мир. А ведь он может, и еще как может; и, наверное, потому к нам прислали именно его, а не кого-то другого. А то местные бойцы идеологического фронта, мягко выражаясь, не впечатляют. В Гражданскую комиссары, небось, поинтересней встречались.

Кстати, сам Симонов сказал, что он отнюдь не в обиде за ту поездку на «эмке», ведь ехать им с фотокорреспондентом Трошкиным пришлось через Почеп и Мглин, а там повсюду следы жизнедеятельности нашей армии в виде разбитой и сгоревшей немецкой техники, а местные жители, только ты их спроси, наперебой начинают рассказывать, «как все было». Врут, конечно, больше половины, но без этого на войне никуда. Таким образом, впечатлений у

Симонова даже по дороге к нам было выше крыши, а тут еще этот брифинг и «информашка».

Кстати, нам без таких брифингов и раздаваемых на них «информашек» вообще никуда. Маленькую заметку для газеты можно написать только на основании предоставленной краткой информации, а вот для более-менее серьезной работы, да еще и для телеканала, выезд на место обязателен, но для этого надо знать, куда выезжать и кого опрашивать. Но везде и всюду не успеть, поэтому сразу после брифинга все «свои» собираются в кучу и распределяют, кто куда поедет. Естественно, что Константина Михайловича тут же записали в почетные «свои» и включили в наш тесный круг, попросив меня взять над человеком шефство, пока тот не освоится в нашей среде. Это значит, что два-три дня мы с его фотокорреспондентом должны были вместе ездить по одному маршруту.

Естественно, что товарищу Симонову и, соответственно, моей группе отдали самое «вкусное» – то есть поездку на аэродром в Красновичах и разговор с нашими летчиками-штурмовиками, которые с утра третировали немецкую третью танковую группу. В конце брифинга нам, кстати, на большой плазменной настенной панели продемонстрировали несколько отрывков записей с нашлемных камер наших пилотов, атаковавших немецкие колонны. Симонов с большим удовольствием наблюдал за тем, как к немецким танкам и грузовикам тянутся длинные белые следы авиационных ракет, как сраженные осколками падают на землю только успевшие выпрыгнуть из кузовов немецкие солдаты, как вспыхивают объятые пламенем грузовики и как черный дым от горящих машин траурной пеленой затягивает небо. Можно сказать, что это траур по вермахту, который сейчас жрет то, чем раньше щедро кормил других. На некоторых кадрах было видно, что черный дым от большого количества горящих машин заметен с расстояния в несколько десятков километров.

Одним словом, сразу после брифинга мы всей компанией, состоящей из водителя Василия Жилковича, Константина Симонова, фотокорреспондента Павла Трошкина, меня, любимой, нашего оператора Сергея Дьяченко и его помощника Дмитрия Корнеева загрузились в УАЗ и выехали в Красновичи. Как говорится – в тесноте, но не в обиде, тем более что и теснота тоже была относительной, ибо эта модель внедорожника вмещала до семи человек включительно вместе с водителем, ну а нас было только шестеро. Да ехать здесь минут двадцать, не больше, причем, считай, в самой защищенной части территории, но все равно наш водитель в багажнике возит ПЗРК, а в специальных креплениях на дверце маленький такой складной автомат Калашникова. Василий считает, что лучше

перебдеть чем недобдеть, а еще мечтает сбить этой старенькой «Иглой» мессершмитт. Может, у него что-нибудь и получится, потому что в последнее время немецкие летчики когда видят, что по ним пустили ракету, то тут же стараются выпрыгнуть с парашютом. И неважно, попадет в него ракета или нет, но неуправляемый самолет все равно расшибется вдребезги.

Пока мы ехали, я, полуобернувшись, рассказала Симонову и Трошкину историю нашего водителя, который в нашем времени служил сержантом полиции (я говорила милиции) в тех самых Красновичах. Одним словом, он и его начальник были первыми, кто встретил немцев на нашей земле, но так уж получилось, что при первой же встрече с немцами Васю ранило в плечо и дальше с фашистами до полной их ликвидации в нашем времени воевал его начальник. И хоть ранение было очень легким, пуля не задела ничего важного, в военкомате Василия завернули «до полного выздоровления» и вообще сказали, что дополнительные штаты экспедиционного корпуса по ВУСу мотострелок уже укомплектованы. При этом на службе посоветовали не дергаться и выполнять свои обязанности, ибо и в охране правопорядка работы хоть отбавляй. Тогда Василий взял отпуск для поправки здоровья и через меня (каюсь, брала у него интервью) устроился работать в нашу группу водителем. Такая вот история с почти счастливым концом. Почти – это потому что Василий хотел все же на фронт, а не водителем в нашу группу.

Выслушав этот рассказ, Симонов и Трошкин с одобрением посмотрели на нашего водителя. Впрочем, для СССР, наверное, такие истории были совсем не удивительными, поэтому большого ажиотажа мой рассказ не вызвал. Впрочем, к тому времени, как я закончила говорить, мы уже подъехали к аэродрому, и, может быть, причина достаточно низкого интереса к истории нашего водителя как раз в этом.

На аэродроме я, вся из себя решительная и пробивная, первым делом нашла командира штурмового полка, о котором нам предстояло снимать сюжет – подполковника Андреева и представилась ему как корреспондент «Красной Звезды». В ответ тот, вусмерть замотанный сегодняшним днем, доверху заполненным боевой работой, со всей решительностью послал корреспондентку Максимову, сказав, что два часа назад его парни вернулись из крайнего[9 - Пока человек жив, летчики никогда не произносят слово «последний», только «крайний». Последний вылет в их представлении это тот, который заканчивается гибелью. А об этом вслух говорить не принято, считается дурной приметой.] боевого вылета, час назад пообедали, после чего получили команду

«отбой до двадцати ноль-ноль», ибо вечером-ночью, когда немцы, решившие что «уже можно», снова выйдут на большую дорогу, им всем предстоит вторая часть большого марлезонского балета. Да и ему самому тоже не мешало бы как следует поспать.

В ответ корреспондентка Максимова разъяренной коброй прошипела подполковнику Андрееву, чтобы тот не хамил девушке и не позорил доблестных Российских ВКС, особенно в тот момент, когда на него смотрит сам Константин Симонов, да не наш, из Газпрома (есть такой персонаж), а самый настоящий, из сорок первого года, писатель, поэт и журналист…

– Симонов? – только и спросил подполковник, разом забывший о своем желании спать. – Где?

– А вон тот, – говорю я, – молодой и чернявый, который так смешно кагтавит. Да вы не сомневайтесь, товарищ подполковник, просто ему сейчас нет еще и двадцати шести лет и он еще в самом начале своей карьеры.

– Это ты, Максимова, в начале своей карьеры, – подколол меня подполковник сменивший гнев на милость, – а Симонов – это цельная глыба таланта. Если он о нас напишет, то мы тебя до конца жизни коньяком поить будем.

– До конца чьей жизни, товарищ подполковник, моей, или вашей? – с ехидцей спросила я и махнула рукой, – Константин Михайлович, идите, пожалуйста, сюда, товарищ подполковник согласен дать вам интервью…

М-да, надо было видеть то, как подполковник Андреев в течение почти полутора часов давал интервью Константину Симонову, рассказывая и показывая все перипетии утренних ударов по моторизованным колоннам немецко-фашистских захватчиков. А наш оператор в это время снимал свой фильм «визит Константина Симонова в Н-ский штурмовой авиаполк ВКС в составе экспедиционной группы войск». Зрителям должно понравиться. Кстати, в процессе этого действа нас покормили обедом, позволили поближе подойти к накрытым масксетями капонирам со стоящими в них «сушками», которые сейчас были буквально облеплены людьми в синих комбинезонах техников.

– Товарищ подполковник, – вдруг спросил фотокорреспондент Павел Трошкин, – скажите, что тут можно фотографировать, а что нет?

– В принципе, – ответил командир полка, – в нашем времени внешний вид этих самолетов уже давно не секретный, все секретное оборудование находится внутри. У вас здесь после сегодняшнего утра о секретности внешнего облика этих штурмовиков тоже говорить не стоит. Наши машины могли неплохо разглядеть немецкие солдаты, разумеется, те кому повезло выжить, и «эксперты» люфтваффе, которые не могли догнать наши «сушки» даже в пикировании. Они же не знают, что наша крейсерская скорость на пятьдесят километров в час больше, чем рекордная скорость их специально переоборудованного мессершмитта, с которого ради постановки этого рекорда было снято вооружение и радиатор.

– А почему радиатор? – грассируя спросил Константин Симонов. – Ведь тогда мотор быстро перегреется и заглохнет.

– А это такая арийская хитрость, – ответил подполковник Андреев, – радиатор создает достаточно большое сопротивление воздушному потоку и если его снять, можно получить дополнительно двадцать-тридцать километров скорости. А чтобы мотор не перегревался, они один из двух крыльевых баков заправили водой, которую напрямую направляли на охлаждение мотора с последующим выбросом в атмосферу. На двадцать минут полета хватит и ладно, это же не боевой самолет, а рекордный. Но зато Геббельс на весь мир во всеуслышание заявил, что немецкий истребитель самый быстрый в мире.

– Интересно, – хмыкнул Симонов, – век живи, век учись. Ну ладно, товарищ подполковник, спасибо вам за вкусный обед и интересный рассказ, но нам пора…

– Товарищ Симонов, – вдруг официально сказал подполковник Андреев, – официально приглашаю вас приехать к нам в полк сегодня вечером и обещаю лично свозить вас на охоту за фашистами во второй кабине «спарки». Поверьте мне, вы получите незабываемые впечатления, которых хватит на всю жизнь. Да и наши парни, тоже, наверное, хотели бы с вами поговорить, а будить их сейчас нельзя. Предстоит большая ночная работа. Будем низводить и курощать зазнавшихся выше всякой меры арийских юберменшей.

– Я думаю, – сказал Симонов, переглянувшись с фотокорреспондентом, – что обязательно приеду. От такого предложения очень трудно отказаться. Всю жизнь мечтал посмотреть, как это бывает, когда низводят и курощают.

* * *

27 августа 1941 года, 23:15. Брянская область, Унечский район, полевой аэродром окрестности поселка Красновичи, 266-й ШАП ВКС РФ.

Поэт, писатель и журналист Константин Михайлович Симонов

Героический сержант Василий, который не мытьем, так катанием все же пробился поближе к фронту (я о нем еще напишу) привез нас с Павлом в штурмовой полк потомков в тот момент, когда на западе раскаленный шар солнца уже закатывался за горизонт. Едва мы вышли из машины, как сразу попали с корабля на бал. Подготовка полка к ночной боевой работе была в самом разгаре, но и наше прибытие тоже не осталось незамеченным. Подполковник Андреев тут же появился как чертик из табакерки и объявил, что для обещанного им полета на боевое задание все готово, и теперь дело только за мной.

Оказалось, что перед тем, как сесть в кабину реактивного самолета, необходимо надеть на себя противоперегрузочный костюм, чтобы при резких маневрах отлившая от головы кровь не приводила к потере сознания. Страшновато было узнать, что во время особо резких эволюций самолета мое тело может весить до шести половиной раз больше, чем обычно, и противоперегрузочный костюм, создавая давление на нижнюю половину тела, препятствует отливу крови от головного мозга. Ну что же, надо так надо, тем более что надели и подогнали его на меня достаточно быстро. В последнюю очередь на меня надели белый защитный шлем, в лобной части которого на шарнире был закреплен прибор, похожий на небольшой бинокль, в нерабочем положении откинутый наверх. Оказалось, что это так называемые панорамные очки ночного видения, позволяющие пилотам их самолетов и вертолетов видеть в ночной темноте почти как днем.

И вот, немного неуклюже из-за непривычного и сковывающего движения костюма, по приставной лестнице я поднимаюсь в заднюю кабину штурмовика и усаживаюсь в глубокое кресло с подголовником, стараясь ничего не трогать руками. Следом заглядывает техник – он пристегивает меня к креслу ремнями и соединяет штекера самолетного переговорного устройства, питания очков ночного видения и переходник пневматики противоперегрузочного костюма.

Убедившись, что все в порядке, техник желает мне успеха и закрывает заднюю часть фонаря кабины.

Пока на своем месте устраивается подполковник Андреев, при тусклом дежурном освещении осматриваюсь в кабине. И тут у потомков тоже не все как у людей. Во-первых – циферблаты приборов и какие-то регулирующие ручки, рычажки и переключатели расположены не только на передней панели, но и на бортах по обеим сторонам пилотского места. Во-вторых – самое заметное место на передней панели занимают два больших экрана, симметрично расположенных с правого и левого края. Если на левой панели выведены изображения самых главных приборов, которые имеются и на наших самолетах: спидометра, высотомера, указателя крена и авиагоризонта, то правую панель занимает очень четко изображенная рельефная карта с отметкой положения самолета, указателя направления на цель и многими другими вещами, так милыми сердцу военного летчика. Но вот включается внутреннее переговорное устройство и после небольшого прокашливания меня приветствует подполковник Андреев:

– Ну что, Константин Михайлович, освоились?

– Осваиваюсь, товарищ подполковник, – ответил я, – пока все, что я вижу, выглядит чистейшей фантастикой.

– Фантастика у нас на втором этаже, – непонятно хмыкнул подполковник Андреев, – а сейчас приготовьтесь, мы запускаемся.

И в этот момент подо мной и чуть сзади разом завыли одна, потом другая турбины, а на передней панели ожили указатели мощности двигателей. Немного погоняв двигатели в капонире, подполковник Андреев отпустил тормоза – и штурмовик выкатился из капонира и по рулежной дорожке с временным металлическим покрытием покатился к началу взлетной полосы. Я посмотрел по сторонам и, насколько смог, назад. Было видно, как вслед за своим командиром и другие штурмовики выруливают из своих капониров. Перед самым взлетом легкий свист турбин перешел в оглушительный рев, стрелки указателей мощности дрожали где-то посреди красного сектора; и тут подполковник Андреев сказал: «Поехали!» – и отпустил тормоза. В этом все сокрушающем реве штурмовик покатился вперед – сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вот тут я почувствовал, что такое настоящая перегрузка – невидимая рука вдавила мою грудь в кресло так, что было не пошевелиться, потом земля

провалилась куда-то назад и вниз, после чего давящая на грудь сила ослабла. Мы были в воздухе. Почувствовав, что я снова могу двигаться, я поднял руку и со щелчком опустил на глаза очки ночного видения, превратившие мрак, окружающий самолет, в неяркие зеленоватые сумерки.

Место пилота находилось ниже моего, поэтому я достаточно хорошо мог наблюдать все происходящее как прямо вперед, так и по обоим бортам. Поэтому через четверть часа полета, когда мы подошли к цели, мне было прекрасно видно, как у нас из-под крыльев срываются огненные капли реактивных снарядов, которые слепя глаз ярким выхлопом, уносятся вперед, к дороге, по которой, едва различимые даже в ночные очки, ползут темные силуэты вражеских машин. Едва мы выпустили первые ракеты, как впереди тут же зажглись прожектора, и пока не прицельно, куда-то в нашу сторону потянулись пунктирные нити трассирующих снарядов. Но жить этим немцам, в том числе и зенитчикам, оставалось не больше трех секунд, пока в их направлении мчится неумолимая реактивная смерть. Вот эти секунды истекли – и впереди заполыхало так, что почти все изображение слилось в одну сплошную ярко-зеленую засветку. Прожектора мгновенно потухли, а зенитки прекратили стрельбу. Первый же залп атакующих штурмовиков потомков принес гитлеровцам сплошное уничтожение.

После первой атаки мы возвращались к дороге еще четыре раза, и каждый раз я с удовлетворением отмечал, что так и надо воевать – разносить врага вдребезги, заставляя выживших бояться любой тени и любого шума, похожего на свист турбин реактивных штурмовиков потомков.

И ведь уму непостижимо – если под наши самолеты подвешивают от шести до восьми реактивных снарядов калибра восемьдесят миллиметров, то штурмовик потомков несет таких снарядов сто шестьдесят штук. Вот и получается, что удар одного самолета равен удару полка, а их полк из трех эскадрилий это чуть ли не воздушная армия. Ну, тем хуже для немцев, сами виноваты, что напали на СССР. Ведь мы уже один раз победили их без помощи потомков, а теперь, значит, как говорил подполковник Андреев, опять победим их нокаутом и с особым цинизмом.

* * *

28 августа 1941 года, 03:05. Окрестности Могилева, населенный пункт Мирный, командующий Третьей панцергруппой генерал Герман Гот

Ночь для солдат третьей панцергруппы оказалась страшнее дня. Едва только стемнело, и наши колонны вышли из своих лесных убежищ, в которых они прятались в светлое время суток, как в воздухе снова появились стаи «Потрошителей». Как оказалось, их пилоты ночью могли видеть ничуть не хуже, чем днем. Наши зенитчики, напротив, пока противник не принимался пускать свои ракеты, даже не видели, куда стрелять. Увы, зенитные прожектора не пережили первой же атаки, потому что «Потрошители» охотились за ними с особой настойчивостью. Первое, что сделала их первая волна, это подавила всю нашу зенитную артиллерию и создала на дороге несколько заторов из горящих машин. Одновременно радиоэфир оказался так плотно забит помехами, что управлять движением войск с помощью радиосвязи стало невозможно. Очевидно, что командование «марсиан» поставило перед своими летчиками целенаправленную задачу сорвать переброску моей группы к этому самому Гомелю, и те добивались поставленной цели со всем возможным усердием.

Но и это было еще не все. Горящие автомашины, ночью видные издалека (особенно с большой высоты) привлекали к себе внимание обычных большевистских бомбардировщиков, которые еще совсем недавно не казались нам большой проблемой. Но после того как по нашим колоннам поработали «Потрошители», сделав недееспособной всю зенитную артиллерию и дополнительно подсветив цели, большевистские бомбардировщики получили возможность бомбить наши войска с горизонтального полета в упрощенно-полигонных условиях. Потери были страшные. Дорога, которую нашим солдатам удалось понемногу расчистить в дневное время, снова оказалась забита обгорелыми обломками автомашин и корпусами подбитых и сожженных дотла панцеров. Некоторые подразделения пытались сойти с дорожного полотна, чтобы обойти заторы по целине, но застревали в придорожных канавах, или, уже выйдя в поле, попадали под удары «Потрошителей» и бомбы обычных большевистских самолетов.

Но самое страшное и невероятное случилось севернее Могилева с 25-м панцерполком 7-й панцердивизии 39-го моторизованного корпуса, который в отличие от частей движущегося в авангарде 57-го моторизованного корпуса совершенно не подвергался дневным налетам. Сначала колонну панцеров и автомашин, перевозящих полковое имущество, атаковали несколько «Потрошителей» которые подожгли несколько панцеров и создали на узкой

лесной дороге два затора – в голове и хвосте полковой колонны, в результате чего из этого аппендикса ходу не было ни туда, ни сюда. Но когда они улетели, оказалось, что еще ничего не кончено. Вслед за ними, как пираньи на запах крови, явились большевистские истребители-бипланы, которые ориентируясь на свет от огня уже горящих танков, принялись запускать по колонне свои реактивные снаряды и обстреливать ее из пулеметов.

Вроде бы все ничего, ведь из пулемета невозможно повредить даже наши самые слабые и устаревшие панцеры типа «единичка», а большевистские реактивные снаряды, в отличие от «марсианских», давали очень большой разброс[10 - Зачастую причиной низкой точностью эресов было их неправильное хранение, из-за которого гнулись лопасти их хвостовых стабилизаторов. Когда это было заметно, вооруженцы перед подвешиванием рихтовали эти лопасти молотками, но все равно такие реактивные снаряды после пуска летели по весьма замысловатой траектории.] и фактически не давали прямых попаданий. Но пули, выпущенные из пулеметов (в своем большинстве бронебойно-зажигательные), и осколки реактивных снарядов повреждали канистры, в которых наши танкисты прямо на броне перевозили запасной бензин, который тек на броню панцеров и вспыхивал от малейшей искры. Будь проклят недостаточный запас хода наших машин, который в опасной прифронтовой зоне не позволяет иметь весь бензин залитым в баки. В первую очередь от того налета пострадали наши самые лучшие танки типа T-IV, имевшие самую малую дальность хода и потому возившие на броне самый большой запас бензина. При движении по плохим русским дорогам бензин в баки иногда приходилось подливать прямо на переходе, во время коротких получасовых остановок. Если до вражеского авианалета «четверок» в том панцерполку было тридцать машин (две роты), то после не осталось ни одного годного к маршу и бою панцера этого типа. Впрочем, и экипажам остальных панцеров 25-го панцерполка тоже пришлось несладко.

Прошли почти сутки, а моя панцергруппа не смогла продвинуться южнее Могилева и на несколько километров, при этом потери за это время составили до половины наличного количества панцеров и две трети всего грузового автотранспорта. Потери в живой силе после продолжающихся ночных налетов еще не подсчитаны, но уже и без того понятно, что из-за того, что санитары в ночном хаосе не имеют возможности своевременно обнаружить всех раненых, эти потери, особенно безвозвратные, будут очень и очень значительными.

* * *

28 августа 1941 года, 13:15. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Посасывая трубку, Верховный разглядывал доставленные из Красновичей фотографии. Рано утром, едва встало солнце, один из самолетов потомков слетал к месту ночного побоища и все задокументировал с помощью фото и видеоаппаратуры. К разборам нагромождений сгоревшей техники немцы приступить еще не успели, так что фотографии дорог, запруженных обгоревшими автомобильными остовами и мертвыми бронированными коробками, доставляли вождю чувство глубокого морального удовлетворения и высокого эстетического удовольствия, ведь труп врага не только всегда хорошо пахнет, но еще и красиво выглядит. Особенно если это труп третьей танковой группы, которая уже не раз доставляла РККА множество проблем.

Первые же сутки боевой работы штурмового полка потомков полностью сорвали переброску третьей танковой группы гитлеровцев к Гомелю и нанесли ей тяжелейшие потери, вызвавшие значительное падение ее боеспособности. Нет, с самого начала было понятно, что даже во встречном сражении против двух дивизий из двадцать первого века (одной мотострелковой и одной танковой) третья танковая группа обречена на поражение и разгром. Но теперь, после авиаударов штурмовиков из будущего, ее возможностей не хватило бы и против перешедших к полевой обороне стрелковых дивизий РККА. Слишком большие потери в артиллерии и танках, слишком сильный и внезапный стресс пережили вчерашние победители всей Европы, белокурые бестии и сверхчеловеки – ведь под крыльями неуязвимых штурмовиков из будущего они одномоментно превратились в забитые ничтожества.

Нет, если дать немцам время, чтобы оклематься и зализать раны, юберменши снова могут воскреснуть и попереть вперед на восток за рабами и жизненным пространством. Но такого времени Сталин им давать не собирался, фашизм обязательно должен быть разгромлен и уничтожен прямо в собственном логове. Идея восстановить статус-кво, отбросив немцев до госграниц СССР, и заключить там с ними мирный договор – изначально ублюдочная и мертворожденная. Только полная Победа и красное советское знамя над рейхстагом, только полное уничтожение военной и политической машины Третьего рейха, только окончательное осуждение человеконенавистнических идей, от рождения делящих людей по сортам. Иначе все жертвы, победы и помощь потомков будут просто бессмысленны, а зализавшая раны германская военная машина еще раз нападет позже, когда посчитает себя готовой к реваншу. Такого исхода следует

избегать любой ценой, это хуже любой холодной войны, поэтому сила ударов будет только нарастать, а конечным рубежом продвижения РККА уже назначено атлантическое побережье континентальной Европы.

Вождь вздохнул и положил погасшую трубку в пепельницу. Конечно, было бы лучше, если бы СССР добился успеха самостоятельно, если бы созданные перед войной мехкорпуса с легкостью громили врага, а доблестные сталинские соколы вдребезги разгромили люфтваффе, завоевав полное господство в воздухе. Но вождю уже объяснили и даже, более того, показали на наглядных примерах, почему это невозможно и с точки зрения далекой от совершенства техники, и из-за неоптимальной, не до конца отработанной тактики, и из-за человеческого фактора, частично основанного на непрофессионализме командиров, частично на прямом предательстве высшего командного состава.

Кстати, о предательстве. Вон она, на столе – газета «Правда» за сегодняшнее число с некрологом на Никиту Сергеевича Хрущева. Мол, верный сын партии пал смертью храбрых во время выезда на фронт под бомбами немецко-фашистских захватчиков. И нашли в воронке от бомбы только гимнастерку с окровавленным партбилетом. На самом деле Никитка был жив и даже частично здоров, сидел в тайной тюрьме НКВД, жрал улучшающие память и откровенность мозгобойные таблетки, из-под которых активно делился со следствием (тоже тайным) особенностями своих прошлых похождений, начиная с периода гражданской войны.

Списки всплывших фигурантов вместе с краткими характеристиками (в том числе добытыми в будущем) ежедневно доставлялись в этот кабинет. Потом Вождь брал привезенные из будущего маркеры и подчеркивал. Если синим – то ничего. Если зеленым – то карьера этого человека должна была быть заморожена. Если желтым – то, одним словом как обычно, исключить из партии, снять с работы, отдать под следствие, осудить и расстрелять, только статьи должны быть не политические, а экономические: «хищение в особо крупных размерах» и «халатность в особо крупных размерах», которая в военное время его, Сталина, Указом приравнивалась к хищению. А вот если в ход шел красный маркер, то помеченный им персонаж шел по пути Никитки – то есть прекращал свое существование без суда и следствия по естественным якобы причинам. До сантиментов ли тут, когда спасают страну. Кстати, у красного маркера перед желтым был один неоспоримый плюс в сфере гуманности. Многочисленные родственники фигурантов, подчеркнутых красным, не получали на всю жизнь клеймо ЧСИР и продолжали жить обычной жизнью, всего лишь скорбя по

безвременно усопшим.

Но Никитка, как и его подельники-попутчики из недобитых троцкистов и приподнявшейся новой поросли, отнюдь не был той главной головной болью, которая беспокоила сейчас товарища Сталина. Этой линией в настоящий момент занималось ГУГБ НКВД и занималось вполне успешно. Редели ряды предателей, да и просто людей, которые ради своего благополучия были готовы сдать страну врагу, но оставалась та самая главная проблема, с которой СССР столкнулся 22 июня. Рабоче-крестьянская Красная Армия и такой же Флот оказались не готовы к войне и, неся чудовищные потери, откатывались от пограничных рубежей вглубь страны. Какое уж «малой кровью и на чужой территории»… Кадровые дивизии и корпуса, в том числе и механизированные, дотла сгорали в боях, не в силах не то что разгромить, но даже просто остановить врага. И одной из причин тому было закрепившееся за немцами подавляющее превосходство в воздухе.

Советские ВВС еще на рассвете 22 июня вдвое превосходившие врага, к настоящему моменту были почти полностью разгромлены. Уцелели в основном бомбардировочные дивизии, дислоцированные в глубине страны, но и они из-за отсутствия истребительного прикрытия несут огромные потери. А то как же – за первый день войны советские ВВС потеряли тысячу двести боевых самолетов, четыреста в воздухе и восемьсот на земле. Но если верить книгам потомков (а не верить им у Вождя не было никаких оснований), «уничтоженные» на земле самолеты были просто брошены на аэродромах из-за отсутствия горючего и запчастей и уничтожали их несколько суток спустя уже немецкие танкисты и пехотинцы. Также потомки писали, что германское люфтваффе за 22 июня сего года понесло крупнейшие разовые суточные потери за всю войну, не исключая и самые тяжелые дни битвы за Англию. Пока советские истребители из смешанных авиадивизий дрались в небе над границей, это самое небо для немцев было залито кровью, но потом их отозвали, приказав перелететь на тыловые аэродромы, где для них не было ни запчастей, ни топлива ни боеприпасов, и именно в тот момент люфтваффе получило свободу действий в воздухе, а советским ВВС все надо было начинать заново, да еще прямо во время тяжелейшей войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В Третьем Рейхе артиллерия ПВО относилась не к сухопутным войскам а к люфтваффе

2

По позициям германского дивизиона стреляла батарея гаубиц «МСТА-С», пять орудий вели огонь обычными осколочно-фугасными снарядами по площадной цели, а шестое, временно выведенное из состава батареи, по команде с вертолета-корректировщика посылало в сторону врага корректируемые снаряды «Краснополь-М», которые и уничтожили три орудия из четырех, а также склад боеприпасов, который наводчики издали спутали с КП (командным пунктом) батареи. Кроме того, в ходе этого обстрела вертолет-наводчик брал на мушку орудия и сооружения, принадлежавшие другим батареям 611-го легкого зенитного дивизиона ПВО.

3

В вермахте писаря, повара, сапожники и прочие тыловые крысы числились как бы составе боевых подразделений, и в случае чего командир недрогнувшей рукой бросал их в бой. В РККА все было прямо наоборот. У всех тыловиков имелось свое отдельное тыловое начальство, и воевали они только в случае непосредственного нападения на обоз или штаб.

4

Это поработали установки РСЗО «Ураган», которые до самого последнего момента ждали начала переброски пехотных резервов противника к месту прорыва фронта. Нет, конечно, после их залпов полными пакетами живые немецкие солдаты и офицеры в составе уничтоженных полков еще оставались, но все выжившие были в таком состоянии, при котором требуется длительное лечение в условиях стационара, а затем светит пожизненная инвалидность.

5

Инцидент у Номонкана – японское название сражения у реки Халкин-Гол и горы Баин-Цаган.

6

Резервы с Западного и присоединяемого к нему Резервного фронта, частью передислоцируются на действительно опасные направления, а частью перебрасываются Жукову с целью создания ударных группировок на основе соединений потомков и войск 13-й и 21-й армий. Но фон Бок об этом, разумеется, не знает.

7

288-я артиллерийская Варшавская Бранденбургская Краснознамённая, орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды бригада, входящая в состав экспедиционной группы войск имеет на вооружение установки РСЗО «Ураган», стреляющие 220-мм реактивными снарядами на расстояние до 35 километров.

8

«Эксперт» – летчик-истребитель люфтваффе.

9

Пока человек жив, летчики никогда не произносят слово «последний», только «крайний». Последний вылет в их представлении это тот, который заканчивается гибелью. А об этом вслух говорить не принято, считается дурной приметой.

10

Зачастую причиной низкой точностью эресов было их неправильное хранение, из-за которого гнулись лопасти их хвостовых стабилизаторов. Когда это было заметно, вооруженцы перед подвешиванием рихтовали эти лопасти молотками, но все равно такие реактивные снаряды после пуска летели по весьма замысловатой траектории.

Купить: https://tellnovel.com/ru/markova_aleksandr/smolenskiy-nokdaun

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить